

АНДРЕЙ ГРАЧЁВ

Пленная
МОНАХИНЯ
северного
ВОЛКА

Андрей Грачёв

**Пленная Монахиня
Северного Волка**

«Литнет»

2026

Грачёв А.

Пленная Монахиня Северного Волка / А. Грачёв — «Литнет»,
2026

Весной, когда северяне поднялись по Сене и пришли к стенам нашего монастыря, я считала, что самое страшное уже случилось. Огонь пожирал часовню, на камнях лежали мёртвые, а люди, которых мы называли язычниками, делили добычу. Продолжение здесь: -Меня забрал Хальвард — воин, которого даже его товарищи называли Волком. Он не обещал мне милосердия. Не просил доверия. Не пытался казаться лучше, чем был. Я должна была молиться о спасении и искать дорогу домой. Но чем дальше его корабль уходил на север, тем яснее я понимала: плен может закончиться. Обет можно переосмыслить. А вот сердце, однажды выбравшее не того человека, уже нельзя вернуть прежней хозяйке.

© Грачёв А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Драккар на рассвете	5
Глава 2. Добыча Волка	13
Глава 3. Крест на ладони	22
Глава 4. На корабле язычников	32
Глава 5. Женщина, которая спорит	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1. Драккар на рассвете

Первый корабль показался из тумана в тот час, когда сестра Адель поднялась на башню ударить в колокол к утренней молитве. Ночь ещё не ушла окончательно: она лежала над Сеной редкими серыми клочьями, цеплялась за голые ветви прибрежных ив и собиралась в низинах между вспаханymi полями. На востоке уже проступала холодная белизна нового дня, но солнце ещё не поднялось над лесом, и вода казалась не рекой, а длинной полосой тусклого металла, брошенной между берегами. По ней медленно двигалось нечто тёмное, почти бесшумное, слишком низкое для торгового судна и слишком длинное для рыбацкой лодки.

Адель задержала руку на верёвке. Колокол над её головой молчал, хотя по заведённому много лет назад порядку уже должен был созвать сестёр в часовню. В первые мгновения ей показалось, что она ошиблась. В монастыре иногда останавливались купцы, поднимающиеся вверх по реке к Парижу. Иногда проходили плоскодонные барки с зерном, вином или связками выделанных кож. Но у этого корабля был высокий изогнутый нос, похожий на поднятую голову зверя, а вдоль бортов угадывались ровные круглые щиты. Над водой скользили вёсла. Они опускались и поднимались одновременно, и от этого казалось, будто у чудовища множество тонких лап.

Она ещё смотрела на первый корабль, когда за поворотом реки появился второй. Потом третий.

Туман выпускал их одного за другим неохотно, словно сам пытался удержать на дальнем плёсе и не мог. Они шли почти без звука, не поднимая парусов, используя течение и равномерные удары вёсел. На каждом стояли люди. Издалека Адель не различала лиц, только тёмные фигуры и редкие отблески на металле, когда первые утренние лучи пробивались сквозь облака. Один из кораблей держался ближе к противоположному берегу. Другой шёл почти посередине реки. За ним в тумане проступил силуэт четвёртого.

Верёвка выскользнула из ладони Адель и ударилась о стену башни.

В детстве она слышала о северянах так же, как слышала о демонах, выходящих по ночам из лесных болот, или о мертвецах, которым нельзя закрывать глаза собственными пальцами. Её мать говорила о них шёпотом, хотя их поместье находилось далеко от морского берега и ни один человек в доме никогда не видел длинных северных кораблей своими глазами. Отец смеялся над женскими страхами и утверждал, что королевские воины не позволят язычникам беспрепятственно подниматься по рекам. Старый капеллан качал головой и напоминал, что Господь посылает испытания тем, кто забывает о смирении. Для маленькой Адель все эти рассказы оставались частью далёкого и страшного мира, существовавшего за пределами полей, лесов и каменных стен родительского дома.

Позже, уже в обители, истории стали ближе. Два года назад в монастыре несколько недель прожила женщина из Руана, вдова торговца, которой удалось бежать вместе с детьми после нападения на прибрежное поселение. Она почти не говорила днём и начинала кричать во сне. Её старший сын перестал отвечать на вопросы и прятался всякий раз, когда слышал мужские голоса во дворе. Младшая девочка не выпускала из рук обгоревшую деревянную фигурку святой Марфы, хотя у неё давно откололась голова. Тогда Адель впервые поняла, что северяне существуют не только в назидательных проповедях. Где-то они входят в дома, разбивают сундуки, срывают двери с петель и оставляют после себя людей, которые больше не умеют спокойно спать.

Но даже после этого она не верила, что однажды увидит их корабли из монастырской башни.

Ещё один тёмный нос показался из тумана. Потом другой.

Адель схватила верёвку обеими руками и потянула вниз так резко, что грубые волокна обожгли кожу. Первый удар колокола разорвал утреннюю тишину. Он прокатился над монастырским двором, перепугал голубей на крыше зернохранилища и ушёл к полям, где уже начинали работать крестьяне. Адель ударила снова. И снова. Не размеренно, как полагалось перед молитвой, а торопливо, беспорядочно, почти яростно. Колокол захлебнулся собственным голосом.

Во дворе первой появилась сестра Беатриса, исполнявшая обязанности келаря. Она вышла из кухни, придерживая одной рукой связку ключей, а другой подол серого рабочего платья. За ней выбежала послушница Жанна, ещё не успевшая покрыть волосы. В дверях странноприимного дома показался старый брат Матфей — единственный мужчина, постоянно живший при обители, — согбенный, с короткой палкой в руке, словно собирался отгонять ею бродячих собак.

— Что случилось? — крикнула Беатриса, задрав голову.

Адель не ответила. Она больше не могла смотреть вниз. Над рекой разворачивался парус — полосатый, тяжёлый, тёмно-красный там, где ткань не выцвела от соли и дождей. На носу ближайшего корабля была вырезана звериная голова с раскрытой пастью. При слабом свете казалось, что деревянный зверь смотрит прямо на башню.

Колокол продолжал бить, хотя руки Адель уже болели. Она остановилась только тогда, когда за её спиной послышались тяжёлые шаги. Узкая лестница не позволяла двум людям разойтись, и настоятельница поднялась на площадку медленно, с трудом переводя дыхание. Мать Агнесса была уже немолода. Её лицо под белым покрывалом казалось высеченным из сухого дерева, а спокойный голос иногда заставлял замолчать даже самых шумных деревенских женщин, приходивших просить муку или лекарство. За восемь лет, проведённых в обители, Адель ни разу не видела, чтобы настоятельница торопилась. Она не торопилась и теперь.

Мать Агнесса подошла к бойнице и долго смотрела на реку. Адель ждала, что настоятельница перекрестится или произнесёт молитву, но та лишь крепче сжала тонкие губы.

— Сколько? — спросила она.

— Я не знаю, мать. Они всё идут.

— Сколько ты видишь сейчас?

Адель заставила себя считать. Корабли появлялись из тумана, двигались вверх по реке и постепенно скрывались за деревьями, растущими на ближнем берегу. Некоторые шли далеко от монастыря, другие приближались к излучине, за которой находилась старая пристань. Она сбилась дважды, начала заново и наконец прошептала:

— Двадцать три. Нет... двадцать четыре. За последним ещё один. Там может быть больше.

Настоятельница кивнула, будто услышала не приговор, а количество мешков с зерном, оставшихся до следующего урожая.

— Они не обязательно остановятся здесь.

Адель снова посмотрела на реку. Ближайший корабль уже прошёл мимо пристани. Ещё несколько двигались следом. В течение нескольких мгновений надежда показалась почти разумной. Возможно, северянам нужен Париж. Возможно, маленькая обитель, окружённая крестьянскими полями, покажется им слишком бедной. У них достаточно добычи на богатых торговых пристанях, в городах и крупных аббатствах. Зачем тратить время на монастырь, где сестёр всего четырнадцать, где серебряных сосудов можно пересчитать по пальцам и где самым ценным сокровищем остаётся старый ларец с частицей мощей святой Радегунды?

Потом на одном из кораблей поднялась рука. Адель не смогла разглядеть человека, подавшего знак, но увидела, как изменилось движение вёсел. Драккар медленно развернулся. Его нос направился к берегу.

За ним повернул второй.

— Мать... — сказала Адель.

Настоятельница уже спускалась по лестнице.

— Иди за мной. Не беги, пока не окажешься во дворе. На ступенях упадёшь — затопчут.

Совет прозвучал почти нелепо, но Адель послушалась. Она крепко ухватила за холодную стену и начала спускаться следом. Колени дрожали. Под подошвами сандалий скрипел мелкий песок, занесённый на ступени ветром. Где-то внизу уже кричали женщины. Сестра Беатриса требовала открыть амбар. Кто-то звал настоятельница. За монастырской стеной надрывался пёс.

Когда Адель выбежала во двор, привычный мир уже исчез.

Ещё несколько минут назад обитель жила в обычном утреннем порядке. В кухне разжигали огонь, чтобы сварить жидкую овсяную похлёбку. В хлеву мычала корова, ожидая дойки. Две старшие сестры собирались идти к больной женщине из соседней деревни, у которой третий день не отходил жар. Теперь по двору металась паника. Из ворот, раскрытых настежь, бежали крестьяне: женщины с детьми, старики, несколько мужчин с топорами и вилами. Они тащили узлы, корзины, глиняные кувшины, будто собирались переждать за монастырскими стенами долгую осаду и ещё не понимали, что времени почти не осталось.

— Закрывайте ворота! — крикнула мать Агнесса.

Её услышали не сразу. Мужчины продолжали впускать тех, кто успел добежать от ближайших домов. По дороге к монастырю уже двигались новые люди: кто-то нёс ребёнка на руках, кто-то тащил за собой козу на верёвке, кто-то оглядывался на реку и падал, потому что не смотрел под ноги. За полями поднимался тонкий дым. Вероятно, северяне высадились не только у пристани.

— Ворота! — повторила настоятельница. — Закрывайте немедленно!

Староста соседней деревни Пьер Лабрюйер обернулся к ней. Его лицо было красным, мокрым от пота, хотя утро оставалось холодным.

— Там ещё люди, мать. Моя жена не пришла. И сыновья...

— Если мы оставим ворота открытыми, погибнут все, кто уже внутри.

— Они идут сюда! — закричала женщина возле колодца. — Святая Дева, они идут!

Крестьяне разом посмотрели в сторону стены. От реки донёсся рог — низкий, протяжный звук, от которого у Адель сжалось горло. Он не был похож ни на один сигнал, слышанный ею прежде. Не призывал и не предупреждал. Он будто сообщал миру простую истину: люди, поднявшиеся по Сене, не сомневались, что возьмут всё, за чем пришли.

Пьер выругался и вместе с двумя мужчинами навалился на створку ворот. Адель подбежала помочь, хотя почти сразу поняла, насколько бесполезны её усилия. Тяжёлое дерево двигалось медленно. Петли стонали. В щели между створками ещё несколько мгновений виднелась дорога. По ней бежал мальчик лет десяти, спотыкаясь и размахивая руками. За ним на расстоянии нескольких десятков шагов двигались люди с круглыми щитами.

— Подождите! — закричала Адель. — Мальчик!

Пьер замер. Один из мужчин рядом с ним тоже перестал толкать ворота. Мальчик увидел, что проход закрывается, и закричал так тонко, что его голос оказался слышен даже сквозь шум во дворе.

— Быстрее! — приказала мать Агнесса.

Адель выскочила за стену прежде, чем кто-нибудь успел удержать её. Она пробежала несколько шагов по дороге, схватила ребёнка за руку и едва не упала, когда тот врезался в неё всем телом. Мальчик был босиком. На его лице размазалась грязь, а рубаха порвалась на плече. Он не мог говорить, только задыхался и цеплялся за Адель обеими руками.

Люди со щитами приближались.

Теперь Адель различала их ясно. Они были выше большинства деревенских мужчин, но вовсе не казались исполинами из страшных рассказов. Обычные человеческие лица, бороды,

волосы, выбившиеся из-под кожаных шапок и железных шлемов. У одного на плече висел топор. Другой держал короткое копье. Третий бежал без оружия в руке, но меч бил его по бедру при каждом шаге. Самым страшным оказалось именно это: они не выглядели чудовищами. Чудовищ можно было бы представить созданиями иного мира, подчинёнными иной природе. Эти люди дышали так же тяжело, как крестьяне во дворе, потели, спотыкались о камни и кричали друг другу слова на незнакомом языке.

— Адель! — раздался голос Беатрисы.

Она потащила мальчика назад. Несколько шагов показались бесконечными. Адель ждала, что копье ударит её между лопаток, хотя понимала, что расстояние ещё слишком велико. Кто-то из мужчин у ворот схватил ребёнка и втащил внутрь. Другой поймал Адель за рукав. Створки столкнулись с глухим ударом. Пьер опустил поперёк них тяжёлый засов, и почти сразу с внешней стороны в дерево ударились что-то металлическое.

Мальчик лежал на земле и кашлял. Адель опустилась рядом, быстро ощупала его руки и плечи, проверяя, не ранен ли он. Крови не было. Только несколько царапин, грязь и такой животный ужас в глазах, что ей захотелось закрыть его собой от всего происходящего.

— Как тебя зовут?

Он смотрел на неё и не отвечал.

— Ты знаешь, где твоя мать?

Мальчик вдруг разжал пальцы. В кулаке он держал маленькую тряпичную куклу, набитую соломой. Один край игрушки почернел, словно её успело лизнуть пламя. Ребёнок посмотрел на куклу и снова сжал её так сильно, что побелели костяшки.

— Отведи его в трапезную, — сказала Адель стоявшей рядом послушнице Жанне. — Посади с остальными детьми. Дай воды, но понемногу. Не оставляй одного.

Жанна кивнула. Ей было семнадцать лет, на три года меньше, чем Адель, однако сейчас она казалась совсем ребёнком. Белокурые волосы выбились из-под наскоро наброшенного покрывала. Нижняя губа дрожала.

— Они войдут сюда?

Адель посмотрела на ворота. Дерево снова содрогнулось от удара.

— Делай, что я сказала.

Она не смогла ответить иначе.

Мать Агнессы уже раздавала распоряжения. Её голос оставался ровным, хотя сестры слушали плохо: кто-то плакал, кто-то повторял молитву, кто-то стоял неподвижно, глядя в одну точку. Настоятельница велела Беатрисе отнести церковные сосуды и ларец с мощами в старое подземное хранилище под часовней. Сестру Констанцию, умевшую лечить раны лучше остальных, отправила в странноприимный дом готовить перевязи и горячую воду. Двум старшим монахиням приказала собрать детей в трапезной, а затем вывести через заднюю дверь в огород и спрятать в погребе, где обычно хранили корнеплоды.

— Там тесно, — возразила сестра Марта. — Воздуха едва хватит.

— Воздуха хватит дольше, чем этих стен.

Адель подняла голову. Монастырская ограда всегда казалась ей надёжной. Она была сложена из неровного серого камня, местами покрытого мхом. С внутренней стороны у стены росла старая груша, ветви которой летом почти касались крыши зернохранилища. За воротами тянулась короткая деревянная галерея, построенная ещё до её появления в обители. Прежде Адель думала, что в случае беды мужчины из деревни смогут стоять наверху и отбиваться от разбойников.

Теперь она впервые увидела стену глазами людей, привыкших брать укрепления. Ограда была слишком низкой. Деревянная галерея рассохлась. Ворота, толстые и тяжёлые, могли задержать нападавших, но не остановить их. В монастыре не было ни настоящих воинов, ни луков, ни запаса копий. Пьер и остальные крестьяне держали вилы, топоры и длинные ножи,

которыми обычно резали скот. У брата Матфея нашёлся старый охотничий лук, однако пальцы старика дрожали так сильно, что он дважды уронил стрелу.

За воротами раздались голоса. Незнакомые слова звучали резко и гортанно. Кто-то засмеялся. Удар повторился, но на этот раз створки выдержали.

— Они могут уйти, — прошептала сестра Марта. — Увидят, что ворота закрыты, и уйдут. Здесь нечего брать.

Мать Агнесса посмотрела на неё с такой усталостью, словно за последние несколько минут успела постареть ещё на десять лет.

— Они знают, что в обители есть серебро. И знают, что мы не умеем защищаться.

— Господь защитит нас.

— Господь дал нам руки, погреб и время, которого остаётся всё меньше. Помогите детям. Адель подошла к настоятельнице.

— Я отнесу ларец.

— Нет. Помогите Констанции. Когда они войдут, раненых будет много.

— Значит, вы думаете, что они войдут?

Мать Агнесса посмотрела на неё. Взгляд оставался спокойным, но в нём не было надежды, которую Адель хотела бы увидеть.

— Я думаю, дитя, что страх становится бесполезным, когда опасность уже пришла. Иди. Адель послушалась.

В странноприимном доме пахло сушёными травами, овечьей шерстью и человеческим потом. Здесь уже лежали трое стариков, которых родственники не успели увести из деревни, женщина с грудным ребёнком и крестьянин с рассечённой рукой. Он получил рану не в бою: упал, перелезая через низкую ограду монастырского сада, и напоролся на острый камень. Сестра Констанция пыталась перевязать его, но мужчина дёргался и всё время спрашивал, где его дочь.

— Держи его руку, — приказала она Адель. — Крепче. Не бойся сделать больно. Если будет дёргаться, я не остановлю кровь.

Адель прижала предплечье мужчины к деревянному столу. Кровь была тёплой и скользкой. Она текла между пальцами, пропитывала рукав и капала на пол. За стеной снова ударили в ворота. Затем послышался треск, крик и звон металла.

— Они ломают? — спросила женщина с ребёнком.

Никто не ответил.

— Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас, грешных, — прошептала женщина и прижала младенца к груди. — Святая Мария, Матерь Божия...

Констанция затянула узел и оттолкнула руки раненого.

— Готово. Сиди тихо. Адель, принеси чистую ткань из сундука.

Адель открыла сундук. Поверх сложенных перевязей лежал небольшой деревянный крест, который Констанция обычно клала рядом с умирающими. Она увидела его и неожиданно подумала о собственном крестике, спрятанном под платьем. Мать надела его на неё в тот день, когда семья привезла Адель в монастырь. Тогда ей было двенадцать. Она не плакала при родных, потому что отец смотрел сурово, а старший брат стоял у повозки и делал вид, будто торопится уехать. Мать обняла дочь слишком быстро и сказала, что жизнь, посвящённая Господу, лучше жизни женщины, вынужденной унижаться перед мужем. Позже Адель долго пыталась понять, действительно ли мать верила в эти слова или лишь утешала себя, поскольку семья не могла позволить приданое для второй дочери.

В первые годы Адель молилась, чтобы Господь сделал её сердце послушным. Потом перестала просить об этом и научилась жить внутри заведённого порядка: вставать до рассвета, работать в саду, переписывать псалмы, готовить отвары, слушать жалобы крестьянских женщин, приносивших больных детей. Жизнь в обители не была несчастной. Иногда она даже

казалась спокойной. Но Адель никогда не испытывала той тихой уверенности, которая освещала лицо сестры Констанции во время молитвы. Она соблюдала обет так же, как соблюдала пост: потому что однажды её поставили на этот путь, а другого перед ней не оставили.

Теперь деревянный крест лежал на перевязях, а за стеной люди с топорами ломали ворота. И Адель впервые подумала, что все её прежние сомнения были роскошью мирного времени.

Крик снаружи стал громче. Кто-то ворвался в странноприимный дом.

Адель резко обернулась. В дверях стояла Жанна.

— Сестра Адель, — выдохнула она. — В погребе не хватает места. Там уже дети и женщины. Мать Агнесса велела отвести больных, которые могут идти, в подземное хранилище под часовней. Беатриса открыла дверь.

— Помоги Констанции, — сказала Адель. — Я поведу их.

— Ты одна не справишься.

— Тогда зови Марту. Быстро.

Они подняли стариков. Один не мог идти без опоры и повис на плече Адель всей тяжестью тела. От него пахло дымом, кислым потом и старой шерстью. Второй всё время пытался вернуться за мешком, оставленным у входа, потому что там лежал хлеб. Женщина с ребёнком прижала свёрток к груди и пошла сама, повторяя молитву так быстро, что слова сливались.

Во дворе стало ещё страшнее. У ворот собрались мужчины. Они пытались укрепить створки бревном, вытащенным из сарая. Несколько крестьян стояли на галерее и бросали вниз камни. В ответ над стеной перелетела стрела и вонзилась в землю рядом с колодцем. Сестра Марта вскрикнула. Адель заставила себя не останавливаться.

— К часовне! — сказала она. — Не смотрите на ворота. Идите за мной.

Подземное хранилище находилось под алтарной частью часовни. В обычные дни вход закрывали небольшим люком, скрытым под старым ковром. Там держали рукописи, сосуды и вещи, которые использовали только во время больших праздников. Теперь люк был открыт. Из темноты поднимался запах сырой земли. Сестра Беатриса уже спустила вниз ларец с мощами и небольшой мешок с серебром. Она стояла на коленях и помогала женщинам проходить по узкой лестнице.

— Внизу есть ещё место? — спросила Адель.

— Немного. Сажай их у дальней стены.

Старик рядом с Адель застонал. Она помогла ему поставить ногу на первую ступеньку и передала руки Беатрисе.

— Осторожно. Он почти не видит.

— Адель, останься здесь, — сказала келарь. — Когда все спустятся, закрой люк изнутри.

— Там уже дети?

— Часть детей в огородном погребе. Здесь больные и те, кто не успел уйти дальше.

— Мать Агнесса?

Беатриса ничего не ответила. Она приняла следующего человека и скрылась в темноте.

Адель посмотрела в сторону алтаря. На каменной плите лежала простая льняная ткань. Серебряный крест уже убрали. Свечи погасили, чтобы через окна не было видно света. Часовня, которую она знала почти наизусть, казалась чужой. Всё осталось на своих местах: скамьи, изображения святых, маленькая трещина в стене возле ниши, где зимой всегда собиралась влага. Но смысл вещей изменился. Дом молитвы превратился в укрытие, а алтарь — в последнюю преграду между незащитными людьми и теми, кто пришёл с реки.

Снаружи раздался такой удар, что задрожали окна.

Потом донёсся треск дерева.

Адель выбежала из часовни.

Ворота ещё стояли, но одна из створок раскололась возле засова. В узкую щель просунулась рука. Пьер ударил по ней топором. За воротами кто-то закричал, отдёргнул руку, и почти сразу в щель вонзилось копьё. Оно вошло Пьеру в живот так легко, словно его тело было не плотью, а рыхлой землёй. Староста посмотрел вниз, не сразу понимая, что произошло. Потом выронил топор и отступил на шаг.

— Держите бревно! — крикнул кто-то.

Мужчины навалились на подпорку. Копьё исчезло. Пьер упал на колени, зажимая рану обеими руками. К нему бросилась женщина, но новая стрела ударила её в плечо. Она закричала и покатила по земле.

Адель побежала к ним.

— Не подходи! — раздался голос сестры Констанции.

Адель всё равно продолжала бежать. Возле колодца она споткнулась о перевёрнутое ведро, едва удержалась на ногах и опустилась рядом с Пьером. Кровь уже пропитала его рубаху и текла по пальцам. Рана была слишком глубокой. Адель поняла это сразу, хотя не хотела понимать. Она прижала к животу старосты сложенную ткань.

— Держите здесь.

Пьер посмотрел на неё. В его глазах не было боли — только ошеломление.

— Мои сыновья, — сказал он.

— Держите ткань крепче.

— Они остались там.

Ворота снова содрогнулись. Подпорка сдвинулась. Один из мужчин закричал, требуя помощи. Адель накрыла руки Пьера своими и почувствовала, как быстро слабеют его пальцы.

— Я не могу найти жену, — прошептал он.

— Молитесь, Пьер.

— Я не умею красиво.

— Не нужно красиво.

Он попытался улыбнуться, но вместо этого закашлялся. На губах появилась кровь.

— Господи... — сказал Пьер и замолчал.

Следующий удар оказался сильнее прежних. Засов треснул. Деревянная створка распахнулась внутрь так резко, что двое мужчин упали на землю. За ней показались щиты, копья и чужие лица.

Несколько мгновений все словно замерли.

Северянин, стоявший первым, был молод. Возможно, не старше брата Адель, которого она не видела уже восемь лет. У него были светлые волосы, заплетённые у висков в тонкие косы, и маленький шрам под левым глазом. В руке он держал топор. Он посмотрел на людей во дворе, широко улыбнулся и что-то крикнул тем, кто стоял за его спиной.

Затем шагнул вперёд и ударил ближайшего крестьянина.

После этого мир распался на отдельные звуки.

Кричали женщины. Ревела корова в хлеву. Мужчины у ворот пытались сопротивляться, но северяне входили один за другим, закрывая проход щитами и оттесняя защитников во двор. Один крестьянин успел ударить вилами в лицо нападавшего, однако другой сразу рассёк ему спину мечом. Брат Матфей выстрелил из лука с расстояния нескольких шагов и попал кому-то в плечо. Старика сбили с ног ударом щита. Над стеной перелезли ещё двое.

Адель не могла подняться. Она стояла на коленях рядом с мёртвым Пьером и смотрела, как люди убивают друг друга возле колодца, под старой грушей, у стены часовни. Всё происходило слишком быстро и одновременно слишком медленно. Она замечала нелепые подробности: рассыпавшиеся по земле яблоки из перевёрнутой корзины; голубя, который метался под крышей сарая и никак не мог вылететь наружу; красную нить на рукаве одного из северян; каплю крови, медленно стекавшую по деревянному ведру.

— Адель!

Она обернулась. Жанна стояла возле часовни, бледная, с распущенными волосами. За её спиной виднелся открытый люк.

— Закрой хранилище! — крикнула Адель.

— А ты?

— Закрой!

Жанна смотрела на неё ещё мгновение, затем скрылась внутри. Адель услышала скрип дерева и поняла, что люк опустился.

Северяне уже заняли половину двора. Кто-то поджёг крышу зернохранилища. Сухая солома занялась почти сразу, и огонь побежал вверх яркими языками. Дым ударил в глаза. Адель закашлялась, поднялась и отступила к часовне.

Мать Агнесса стояла на ступенях перед входом. В руках она держала тяжёлый деревянный крест, снятый со стены. Рядом с ней собрались несколько сестёр. Никто из них не был вооружён. Мать Агнесса не пыталась закрыть собой двери и не выкрикивала проклятий. Она просто смотрела на людей, ворвавшихся в её обитель, с тем же суровым спокойствием, с каким много лет проверяла запасы зерна перед зимой или выслушивала жалобы крестьян.

Один из северян направился к ней.

Он шёл неторопливо, будто знал, что никто не сможет его остановить. На его круглом щите темнели следы ударов. Меч в руке был окровавлен. Мать Агнесса подняла крест выше.

— Это дом Господа, — сказала она.

Северянин не понял слов. Или не захотел понимать.

Адель бросилась вперёд, сама не осознавая, что собирается сделать. Она успела пройти лишь несколько шагов, прежде чем кто-то схватил её сзади за покрывало. Ткань затянулась на шее. Адель вскрикнула, попыталась вырваться и услышала над ухом чужой смех.

Она ударила локтем назад. Попала во что-то твёрдое. Рука, державшая покрывало, ослабла, и Адель рванулась вперёд, но почти сразу сильные пальцы сжали её запястье. Она развернулась и увидела бородатое лицо, раскрасневшееся от бега. Северянин что-то сказал ей, улыбаясь. От него пахло потом, кожей и речной водой.

Адель попыталась ударить его свободной рукой. Он перехватил и её.

На ступенях часовни закричала одна из сестёр. Дым становился гуще. Огонь уже добрался до деревянной галереи у стены. Где-то рядом плакал ребёнок, которого не успели спрятать.

Адель сопротивлялась до тех пор, пока северянин не заломил ей руки за спину. Боль пронзила плечо. Она зажмурилась, но почти сразу заставила себя открыть глаза. Если это конец, она не хотела встречать его в темноте.

За воротами продолжали входить новые люди.

Над крышами обители поднимался чёрный дым. На реке, за каменной стеной, качались длинные корабли со звериными головами на носах. А в монастырском дворе, где ещё совсем недавно сестра Адель собиралась пройти к колоколу и начать обычный весенний день, больше не осталось ни одного безопасного места.

Глава 2. Добыча Волка

Человек, державший Адель за руки, не успел понять, что она собирается сделать.

Возможно, он решил, что сопротивление уже сломлено. Несколько мгновений назад она билась так отчаянно, что ему пришлось заломить её запястья за спину и прижать к себе всем телом. Теперь же Адель внезапно обмякла, словно страх наконец отнял у неё силы. Северянин коротко рассмеялся, сказал что-то стоявшему неподалёку товарищу и ослабил хватку, чтобы перехватить пленницу удобнее. Именно этого мгновения ей и хватило.

Она резко наступила пяткой ему на ногу, одновременно рванувшись вперёд. Мужчина выругался и попытался удержать её за покрывало, но ткань соскользнула с головы. Белый лён остался в его кулаке, а Адель бросилась к часовне, почти не чувствуя земли под ногами. За спиной раздался яростный крик. Она ожидала удара между лопаток, хватки за волосы, тяжести чужого тела, которая сойдёт с ног. Однако двор уже превратился в такое неразличимое смешение огня, дыма и людей, что преследователь не сумел сразу пробраться следом.

Адель бежала, пригнув голову. Возле колодца лежало тело Пьера Лабрюйера. Его руки всё ещё были прижаты к животу, будто он пытался удержать внутри себя уходящую жизнь. Рядом валялась перевёрнутая корзина с яблоками, и одно из них раздавили сапогом: в грязи белела мякоть, быстро становившаяся розовой от крови. У стены зернохранилища полыхала сухая солома. Пламя перебрасывалось на деревянную галерею и облизывало крышу, а дым опускался во двор плотными чёрными клубами, от которых слезились глаза и становилось трудно дышать.

У ступеней часовни северяне теснили сестёр. Мать Агнесса всё ещё стояла впереди, держа перед собой тяжёлый деревянный крест. Её маленькая фигура казалась почти нелепой перед вооружёнными людьми, однако она не отступала. Один из нападавших ударил по кресту древком копья. Дерево вылетело из рук настоятельницы и с грохотом упало на каменные ступени. Сестра Марта закричала. Кто-то схватил её за плечо. Другой воин ворвался в часовню, оттолкнув мать Агнессу так легко, будто она весила не больше охапки хвороста.

Адель хотела броситься к настоятельнице, но увидела Жанну.

Послушница стояла возле боковой стены часовни, прижав ладонь ко рту. За ней пряталась Элоиза — самая младшая из девушек, живших в обители. Ей едва исполнилось пятнадцать лет. Она была невысокой и худой, с тёмными волосами, которые теперь рассыпались по плечам, потому что покрывало потерялось где-то во дворе. Элоиза держала Жанну за рукав и смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами, не способная ни бежать, ни кричать.

Адель изменила направление.

— За мной, — сказала она, подбегая к девушкам. — Быстро. Не к воротам.

Жанна не сразу поняла. Она смотрела мимо Адель на северян, входивших в часовню, и дрожала так сильно, что её зубы стучали.

— Люк закрыт, — прошептала она. — Я опустила его. Там Беатриса и остальные. Они не смогут выйти.

— Сейчас им нельзя выходить. Идём.

— Куда?

— Через огород.

Хозяйственный проход находился в дальней части стены, за хлевом и старым сараем для дров. Обычно им пользовались, когда нужно было выгнать корову на выпас или занести с поля тяжёлые мешки. В отличие от главных ворот, он представлял собой узкую низкую калитку, укрепленную всего одной деревянной перекладиной. Весной возле неё складывали хворост, и со двора проход почти не просматривался. Если северяне ещё не успели обойти обитель с другой стороны, оставался шанс выбраться в сад, спуститься к оврагу и скрыться среди кустарника.

Адель не знала, что будет дальше. Она не думала о дороге, о ближайшей деревне или о том, где можно найти защиту. Всё будущее сжалось до нескольких десятков шагов между часовней и сараем. Необходимо было добежать туда прежде, чем огонь перекинется на хлев или кто-нибудь заметит бегущих женщин.

Она схватила Элоизу за руку и потащила за собой. Жанна последовала следом.

Между ними и сараем стояли двое северян. Один пытался выбить дверь кладовой, ударяя в неё обухом топора. Другой вытаскивал из хлева испуганную козу, которая брыкалась, мотала головой и почти человеческим голосом кричала от ужаса. Оба были заняты добычей и не смотрели в сторону часовни.

Адель повела девушек вдоль стены, стараясь держаться в дыму. Горло саднило. Глаза слезились. В какой-то момент она почти ничего не видела, кроме серой каменной кладки справа и расплывчатого силуэта Элоизы впереди. Под ногами хрустело зерно, высыпавшееся из разорванного мешка. Где-то рядом плакал ребёнок. Адель услышала его голос и на мгновение замерла, но не смогла определить, откуда доносится плач.

— Не останавливайся, — сказала Жанна.

Адель сжала пальцы Элоизы крепче и пошла дальше.

Они добрались до угла хлева. Там дым рассеивался, и двор снова стал виден почти целиком. Северяне уже не встречали серьёзного сопротивления. Несколько крестьян лежали возле ворот. Других согнали к колодцу и заставили опуститься на землю. Сестра Констанция пыталась перевязать раненую женщину, не обращая внимания на вооружённого человека, стоявшего над ней. Возле часовни мать Агнесса поднялась с колен. Её губы двигались: настоящая молилась, пока чужие руки срывали ткань с алтаря и выносили из храма всё, что ещё не успели спрятать.

Адель отвернулась. Если она останется смотреть, то не сможет сделать ни шага.

Калитка была совсем близко. За ней начинался монастырский огород: ещё пустой после зимы, с тёмными полосами вскопанной земли и низкими плетёными изгородями. Дальше росли яблони, а за ними склон резко уходил вниз к ручью. Несколько дней назад Адель сама обрезала сухие ветки и думала о том, что весна обещает быть ранней. Теперь между грядками валялись грабли, забытые кем-то в спешке, а у колоды для рубки дров лежала охапка неразвязанных прутьев.

Жанна первой добралась до калитки и подняла перекладину. Дерево застряло в пазу. Она потянула сильнее, но ничего не произошло.

— Дай мне, — сказала Адель.

Перекладина разбухла от сырости. Адель упёрлась ладонями и почувствовала, как шероховатое дерево режет кожу. В груди не хватало воздуха. Она дёрнула ещё раз. Перекладина приподнялась на ширину пальца, затем снова опустилась.

Элоиза оглянулась.

— Они идут, — прошептала она.

Адель тоже посмотрела назад.

Человек, от которого ей удалось вырваться, уже заметил беглянок. Он шёл вдоль стены быстрым шагом, расталкивая встречных. В руке у него оставалось покрывало Адель. Светлое полотно волочилось по грязи, и это почему-то показалось ей особенно страшным: кусок ткани, который ещё недавно скрывал её волосы во время молитвы, превратился в знак чужого права преследовать её.

За ним двигался другой северянин — рыжебородый, широкоплечий, с коротким мечом в руке. Он увидел девушек и что-то крикнул товарищу. Оба засмеялись.

— Подними её, — сказала Адель Жанне.

Они вместе навалились на перекладину. Дерево скрипнуло и наконец выскочило из пазов. Калитка распахнулась наружу.

— Бегите к ручью, — приказала Адель. — Потом вниз по течению. Там есть заросли ивы. Не выходите на дорогу.

Жанна выбежала первой. Элоиза остановилась на пороге.

— А ты?

— Я за вами.

Девушка кивнула и бросилась через грядки.

Адель шагнула следом, но услышала топот слишком близко. Она обернулась. Первый северянин уже огибал сарай. В его глазах не было ярости человека, которого унизили побегом. Напротив, он выглядел весёлым, почти довольным охотой. Это выражение оказалось страшнее злобы.

Адель толкнула калитку, пытаясь закрыть проход. Мужчина врезался в неё плечом с другой стороны. Створка ударила Адель в грудь, и она отлетела назад, потеряв равновесие. Земля больно ударила по коленям. Она попыталась подняться, но северянин уже оказался рядом.

Его пальцы сомкнулись на её руке.

Адель закричала не от страха, а чтобы предупредить девушек:

— Бегите! Не оборачивайтесь!

Жанна всё же обернулась. Она была уже в нескольких шагах от яблонь. Ветер отбросил волосы с её лица. Элоиза бежала впереди, спотыкаясь о комья земли.

Рыжебородый северянин выскочил через калитку и направился за ними.

Адель рванулась изо всех сил. Человек, удерживавший её, не ожидал такого отчаянного сопротивления. Она вывернулась, оставив в его руке клочок рукава, и бросилась вслед за рыжебородым. Догнать взрослого вооружённого мужчину она не могла, но у колоды лежал тяжёлый деревянный чурбак. Адель схватила его обеими руками, подняла и метнула вперёд.

Чурбак ударил северянина под колени. Тот споткнулся, взмахнул руками и рухнул на землю. Меч выскользнул из его пальцев.

— Жанна! — крикнула Адель. — Уводи её!

Послушница снова побежала. Элоиза уже достигла яблонь. Ещё несколько шагов — и обе могли скрыться за склоном.

Рыжебородый поднялся быстрее, чем Адель надеялась. Его смех исчез. Он посмотрел на чурбак, потом на девушку, осмелившуюся сбить его с ног, и лицо его изменилось. Теперь в нём было нечто простое и мрачное. Он не собирался больше развлекаться.

Адель отступила к калитке.

Первый преследователь уже стоял в проходе. За ним появилось ещё двое. Один был совсем молодым, почти безбородым, с белёсыми волосами и кровью на щеке. Второй держал в руке короткое копьё. Все четверо заговорили одновременно, перебивая друг друга. Адель не понимала ни слова, но смысл происходящего был очевиден: бегство закончилось.

Рыжебородый шагнул к ней.

Адель метнулась в сторону, пытаясь проскользнуть мимо него, однако он перехватил её за пояс и поднял над землёй так легко, словно она была ребёнком. Она ударила его в лицо, попав ладонью по щеке. Мужчина поморщился, но не отпустил. Тогда Адель вцепилась ногтями в его руку.

Он сказал что-то резкое и бросил её на землю.

Удар вышиб воздух из груди. Адель попыталась вдохнуть и не смогла. Перед глазами поплыли тёмные пятна. Она слышала голоса мужчин, их короткий смех, обрывистые фразы, но звуки доносились словно издалека, сквозь толстую стену. Кто-то схватил её за плечо и перевернул на спину. Над ней склонилось лицо рыжебородого. В его бороде блестели капли воды или пота. На шее висел кожаный шнурок с маленьким металлическим молотом.

Адель снова попыталась ударить его, но мужчина поймал её запястье и прижал к земле.

— Нет, — сказала она.

Он не понял слова. Или понял интонацию и не придал ей значения.

Остальные смотрели. Молодой северянин что-то сказал и засмеялся, однако человек с копьём ответил ему слишком резко. Между ними начался спор. Рыжебородый обернулся, бросил несколько слов и снова посмотрел на Адель. В его взгляде было то равнодушное право сильного, которого она боялась с того мгновения, когда увидела первые драккары на реке. Для него её воля ничего не значила. Её обет, страх, имя, прошлое — всё исчезло вместе с разбитыми воротами. Оставалось только тело женщины, захваченной после боя.

Адель закрыла глаза.

Она не хотела видеть его лицо. Не хотела слышать смех. Не хотела, чтобы последним ясным воспоминанием о собственной жизни стали грядки монастырского огорода, по которым ещё вчера ходила с корзиной семян. Её пальцы нащупали землю. Под ладонью оказался камень — небольшой, с острым краем. Адель сжала его и подумала, что успеет ударить хотя бы один раз. Возможно, этого будет недостаточно, чтобы спастись. Но она не собиралась лежать неподвижно и ждать.

Рыжебородый наклонился ниже.

В этот момент кто-то произнёс одно короткое слово.

Голос не был громким. Он не перекрыл треск огня, крики во дворе и ржание испуганной лошади. Но все мужчины вокруг Адель замолчали одновременно.

Рыжебородый медленно выпрямился.

Адель открыла глаза.

За калиткой стоял ещё один северянин.

Сначала она увидела только его силуэт на фоне дыма: высокий мужчина в тёмном плаще, отороченном мехом, с круглым щитом за спиной и мечом у пояса. Он не торопился. Не кричал. Не размахивал оружием. Просто стоял, положив одну руку на рукоять короткого топора, и смотрел на происходящее так спокойно, словно спор уже закончился, хотя никто ещё не успел произнести последнего слова.

Когда он шагнул ближе, Адель различила лицо.

Он был старше остальных — возможно, ему исполнилось тридцать лет, хотя суровые черты и несколько тонких шрамов делали его возраст трудно угадываемым. Светло-русые волосы, потемневшие от речной воды и дыма, были собраны на затылке кожаным ремешком. Борода казалась короткой по сравнению с густой рыжей бородой человека, державшего Адель, но придавала лицу ещё большую жёсткость. На виске запеклась кровь. Вероятно, чужая: мужчина не обращал на неё внимания.

Особенно запомнились глаза. Серые или голубые, Адель не смогла определить при тусклом свете. В них не было ни веселья, ни ярости, ни жалости. Он смотрел на рыжебородого так, будто оценивал плохо сделанный инструмент и решал, стоит ли чинить его или проще выбросить.

Рыжебородый поднялся и заговорил. В его голосе всё ещё звучала уверенность, но уже не та беззаботная наглость, с которой он преследовал девушек. Он произнёс несколько быстрых фраз, указал на Адель, затем на монастырь, словно объяснял нечто очевидное: женщина захвачена им, значит, принадлежит ему по праву.

Высокий мужчина выслушал.

После этого спросил что-то коротко.

Рыжебородый пожал плечами и усмехнулся.

Удар последовал так быстро, что Адель почти не заметила движения.

Высокий северянин не вынул топор. Он просто шагнул вперёд и ударил товарища кулаком в лицо. Рыжебородый отшатнулся, но не упал. На мгновение его выражение стало удивлённым, затем перекошилось от ярости. Он рванулся вперёд, пытаясь схватить противника за плечо.

Второй удар пришёлся в живот.

Рыжебородый согнулся. Высокий мужчина поймал его за волосы, развернул и с силой ударил лицом о край открытой калитки. Дерево глухо треснуло. Из разбитого носа хлынула кровь.

Остальные не вмешивались.

Человек с копьём отступил на шаг. Молодой северянин перестал улыбаться. Даже тот, от которого Адель сбежала во дворе, теперь стоял неподвижно, сжимая в руке её покрывало и не решаясь приблизиться.

Рыжебородый попытался выпрямиться. Высокий мужчина позволил ему это сделать, словно давал последний шанс остановиться. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Рыжебородый тяжело дышал, вытирая кровь тыльной стороной ладони. В его глазах ещё оставалось желание ответить, но рядом с ним уже появился страх.

Высокий северянин произнёс несколько слов. Голос оставался ровным.

Рыжебородый что-то буркнул.

Тогда мужчина ударил снова.

На этот раз кулак пришёлся в висок. Рыжебородый рухнул на землю и больше не попытался подняться. Он лежал на боку, прижав ладонь к голове, и смотрел на победителя с ненавистью, которую не решался выразить вслух.

Высокий северянин опустился перед ним на одно колено и сказал что-то тихо, почти без интонации. Адель не поняла слов, но увидела, как изменилось лицо поверженного мужчины. Тот отвёл взгляд.

Северянин поднялся.

Никто больше не спорил.

Он повернулся к Адель.

Ей следовало воспользоваться мгновением и бежать. Калитка оставалась открытой. За яблонями скрылись Жанна и Элоиза. Если они успели спуститься в овраг, если не встретили других северян, если не заблудились среди кустов, у них ещё сохранялся шанс. Адель же находилась всего в нескольких шагах от огорода. Однако тело не слушалось. В груди всё ещё болело после падения. Колени дрожали. Камень оставался зажатым в ладони, но теперь казался бессмысленным.

Высокий мужчина подошёл ближе.

Он посмотрел на неё так же внимательно, как прежде смотрел на рыжебородого: без улыбки, без сочувствия, без той похоти, от которой Адель едва не задохнулась несколько мгновений назад. Его взгляд скользнул по её лицу, рукам, разорванному рукаву, грязному платью. Затем остановился на крестике, выбившемся из-под ворота.

Северянин протянул руку.

Адель отпрянула и подняла камень.

— Не трогай меня.

Он не понял слов, но, очевидно, понял угрозу. В его глазах мелькнуло нечто похожее на удивление. Возможно, ему показалось странным, что женщина, лежащая на земле перед четырьмя вооружёнными людьми, всё ещё собирается защищаться острым камнем.

Мужчина сделал ещё один шаг.

Адель ударила.

Он перехватил её запястье прежде, чем камень достиг лица. Пальцы сжались крепко, но не настолько болезненно, как она ожидала. Северянин посмотрел на её кулак, затем на неё саму. Несколько мгновений они молчали. Потом он медленно разжал её пальцы и выбросил камень в сторону.

Адель попыталась вырваться.

Тогда он нагнулся, поднял её с земли и бросил себе на плечо.

Это произошло так легко и буднично, что она не сразу осознала происходящее. Мир перевернулся. Перед глазами оказалась тёмная ткань плаща, мех у плеча, кожаный ремень, к которому был прикреплён нож. Живот прижало к твёрдому плечу. Кровь бросилась к голове.

— Отпусти меня!

Адель ударила его кулаком по спине. Он не отреагировал. Она попыталась упереться локтями, выскользнуть, дотянуться ногтями до лица, но мужчина лишь перехватил её ноги одной рукой и удержал крепче.

Позади кто-то рассмеялся.

Высокий северянин остановился и обернулся.

Смех оборвался.

Он сказал одно слово, указывая на Адель.

Звучало оно коротко и отчётливо. Адель услышала его даже сквозь стук крови в ушах.

— Mín.

Никто не возразил.

Рыжебородый всё ещё лежал у калитки. Он медленно поднял голову и что-то произнёс сквозь зубы. Высокий мужчина ответил, не повышая голоса. Среди нескольких незнакомых слов Адель различила другое, повторённое кем-то из стоявших рядом:

— Ульв.

Молодой северянин произнёс его с усмешкой, но в этой усмешке не было насмешки над самим человеком. Скорее, осторожность, спрятанная за привычной бравадой. Человек с копьём посмотрел на высокого мужчину и отвёл взгляд.

— Ульв, — повторил он.

Высокий северянин больше не обращал на них внимания.

Он понёс Адель обратно во двор.

Она перестала сопротивляться не потому, что смирилась, а потому, что силы оставляли её слишком быстро. Каждый его шаг отдавался болью в животе и груди. Волосы свисали вниз, почти касаясь земли. С этой невозможной точки зрения монастырь выглядел ещё более чужим. Адель видела сапоги, запачканные грязью и кровью, нижние края щитов, разбросанные вещи, тело брата Матфея возле стены. Старик лежал лицом вниз. Его лук был сломан пополам.

Огонь уже охватил зернохранилище. От жара трещали доски. Искры летели над двором и оседали на земле. Несколько северян вытаскивали из кладовой мешки. Один нёс на плече связку тканей. Другой смеялся, показывая товарищам серебряную чашу, которую, вероятно, нашли в часовне или в доме для гостей. Возле колодца сидели пленники: женщины, несколько подростков, старики и те из мужчин, кто оказался слишком слаб или слишком разумен, чтобы продолжать сопротивление после падения ворот.

Адель искала глазами мать Агнессу.

Сначала она не увидела настоятельницу и решила, что та погибла возле часовни. Затем заметила её среди сестёр. Мать Агнесса сидела на земле, прислонившись спиной к каменному основанию колодца. На виске темнела кровь. Рядом стояла сестра Констанция, прикрывая собой раненую Марту. Несколько монахинь плакали. Другие молчали, опустив головы.

Мать Агнесса подняла взгляд.

Она увидела Адель на плече северянина. Их глаза встретились лишь на мгновение. Адель ожидала увидеть в лице настоятельницы ужас, жалость или отчаяние, но мать Агнесса оставалась удивительно спокойной. Она едва заметно перекрестилась.

Адель не смогла сделать этого в ответ. Её руки были прижаты к телу мужчины, который нёс её через двор как часть добычи.

Он остановился возле ворот. Там лежало несколько тел — и северян, и крестьян. Один из воинов попытался обратиться к нему с вопросом, но высокий мужчина ответил коротко и пошёл дальше, не опуская Адель на землю.

За стеной монастыря оказалось ещё больше людей.

По дороге от реки двигались северяне, нагруженные мешками, сундуками, связками домашней утвари и оружием. Несколько человек гнали коров. Один тащил за собой упрямую козу, вероятно ту самую, которую пытались вывести из хлева. На обочине стояли пленные крестьяне. Женщина держала на руках ребёнка и беззвучно плакала, глядя на горящие крыши деревни. Двое мужчин спорили из-за лошади. От реки доносились крики, плеск воды и скрип дерева.

Драккары стояли у берега.

Вблизи они выглядели ещё страшнее, чем с башни. Узкие длинные корпуса казались почти живыми. На носу ближайшего корабля возвышалась резная голова зверя с оскаленной пастью. Вдоль бортов висели круглые щиты, окрашенные в разные цвета: красный, чёрный, охристый, тёмно-зелёный. Между судами сновали люди. Одни переносили добычу, другие перевязывали раны, третьи уже сидели у разведённых костров и ели, словно сегодняшний день ничем не отличался от множества других.

Северянин опустил Адель на землю только возле одного из костров.

Ноги не удержали её. Она упала на колени, выставив ладони перед собой. Земля здесь была влажной, утоптанной множеством сапог. Рядом лежал сложенный меховой плащ, круглый щит и топор с короткой рукоятью. Высокий мужчина снял с пояса кожаный ремень и связал Адель руки. Он действовал быстро, без грубости, но и без малейшего сомнения в своём праве делать это.

— Не нужно, — сказала она, хотя понимала бесполезность слов. — Я не убегу.

Это была ложь. Если бы появилась возможность, она побежала бы снова, даже зная, чем закончится очередная попытка.

Северянин проверил узел и посмотрел на неё. По его лицу невозможно было понять, поверил ли он хотя бы в смысл интонации. Затем он взял свой щит и положил его рядом с Адель так, словно обозначал место, которое ей запрещено покидать.

К костру подошёл тот самый молодой северянин с белёсыми волосами и кровью на щеке. Он принёс деревянную чашу и протянул её высокому мужчине, что-то сказав. В ответ тот бросил короткую фразу. Молодой воин посмотрел на Адель, усмехнулся, однако почти сразу отвёл глаза.

— Хальвард, — произнёс он.

Высокий мужчина обернулся.

Молодой продолжил говорить, указывая в сторону монастыря. Адель не понимала слов, но теперь у неё появилось имя.

Хальвард.

Человек, которого остальные называли Волком.

Он выслушал товарища, взял чашу и сделал несколько глотков. Потом передал её Адель.

Она не пошевелилась.

В чаше была вода. Или что-то прозрачное, почти не пахнущее. Адель смотрела на неё и думала, что может отказаться. Это осталось бы хотя бы маленьким проявлением воли. Не принимать ничего из рук человека, объявившего её своей добычей. Не пить его воду. Не подчиняться даже тогда, когда сопротивление бессмысленно.

Горло горело от дыма. Губы пересохли. Голова кружилась.

Хальвард держал чашу неподвижно.

В его лице не было ни раздражения, ни торопливости. Он мог бы заставить её пить. Мог бы просто отвернуться и оставить без воды. Однако почему-то ждал.

Адель подняла связанные руки, взяла чашу и сделала глоток.

Вода оказалась холодной. Она выпила слишком быстро и закашлялась. Часть пролилась на платье. Молодой северянин рассмеялся, но Хальвард посмотрел на него так, что смех сразу стих.

Адель поставила чашу на землю.

— Я не твоя, — сказала она.

Хальвард сел напротив, положив топор рядом с собой. Он не понял слов, но смотрел внимательно.

— Ты можешь связать мне руки. Можешь унести меня отсюда. Можешь сказать им всё, что пожелаешь. Но я не вещь.

Её голос дрожал. Возможно, со стороны эти слова звучали жалко. Перед ней сидел вооружённый человек, который несколько минут назад избил товарища и без усилия унёс её на плече. Он не знал её языка. Не знал её имени. Не имел ни одной причины считаться с её волей.

Но Адель продолжала смотреть ему в лицо.

Хальвард немного наклонил голову, словно пытался понять не смысл, а саму природу сопротивления. Затем протянул руку и коснулся выбившегося из-под ворота крестика.

Адель резко отшатнулась.

Он не стал удерживать её. Пальцы замерли в воздухе, затем медленно опустились.

Хальвард произнёс одно короткое слово. Может быть, вопрос. Может быть, насмешку. Адель не поняла.

Она прижала связанные руки к груди, закрывая крест.

Северянин смотрел ещё несколько мгновений, после чего поднялся и отошёл к своим людям.

Адель осталась у костра одна.

Нет, не одна. Вокруг было слишком много людей. Северяне таскали добычу, спорили, ели, перевязывали раны и смеялись. Пленные сидели неподалёку под присмотром вооружённых воинов. От монастыря поднимался густой дым. Пламя добралось до крыши часовни, и над деревьями уже не было видно маленького деревянного креста, который прежде первым ловил солнечный свет на рассвете.

Адель пыталась найти среди пленников Жанну и Элоизу, но не увидела ни одной из них.

Возможно, девушки добрались до оврага. Возможно, прятались среди ив у ручья, прижимаясь к холодной земле и слушая крики. Возможно, кто-то другой перехватил их за садом. Неизвестность мучила сильнее, чем определённый страх. Адель цеплялась за мысль, что хотя бы несколько минут, выигранных возле калитки, могли спасти им жизнь.

К костру подошли трое мужчин. Один указал на Адель и сказал что-то Хальварду. Другой усмехнулся. Третий, седой и широколицый, посмотрел на связанную пленницу слишком внимательно. Хальвард ответил коротко.

Мужчины переглянулись.

Седой произнёс то слово, которое Адель уже слышала в огороде:

— Ульв.

На этот раз в голосе звучала не насмешка, а странная смесь уважения и осторожности.

Хальвард ничего не сказал. Он стоял возле огня, положив ладонь на рукоять топора, и смотрел в сторону горящего монастыря.

Остальные рассмеялись какой-то шутке, но держались от него на расстоянии. Они не боялись находиться рядом, не избегали разговоров и не опускали глаза, как рабы перед господином. Всё было тоньше. В их движениях ощущалась привычка помнить о границе, которую не следует пересекать. Можно пить вместе с Хальвардом, спорить с ним, возможно, даже драться рядом в одном строю. Но человек, забывший, где заканчивается дозволенное, слишком быстро узнавал, почему Волк получил своё имя.

Рыжебородого привели к костру позже.

Он шёл сам, хотя лицо распухло, а кровь засохла на бороде. Увидев Адель, мужчина остановился. Его взгляд стал тяжёлым, ненавидящим. Возможно, теперь он хотел её ещё сильнее — не ради желания, а потому, что из-за неё оказался унижен перед товарищами.

Хальвард повернул голову.

Рыжебородый сразу посмотрел в сторону.

Он сел у другого костра.

Адель не почувствовала облегчения. Хальвард действительно защитил её от этого человека, но благодарность казалась невозможной. Он не освободил её. Не спросил имени. Не помог выбраться из разорённого монастыря. Он избил товарища и объявил пленницу своей собственностью, потому что мог это сделать. Теперь остальные не приближались к ней лишь по той же причине, по которой не трогали его щит, топор или долю серебра.

Для них она стала добычей Волка.

Солнце поднялось выше. Туман над Сеной рассеялся. По реке продолжали двигаться длинные корабли, и Адель наконец поняла, что видела с башни лишь малую часть флота. Драк-кары появлялись из-за поворота один за другим. Их было так много, что вода казалась покрытой тёмной чешуёй.

Где-то впереди находился Париж. Там были стены, воины, богатые дома и церкви, способные защитить свои сокровища лучше, чем маленькая обитель у реки. Возможно, именно туда направлялись северяне. Возможно, монастырь оказался лишь первой остановкой на их пути.

Для Адель путь закончился прежде, чем начался.

Она сидела возле чужого костра, со связанными руками и грязью на платье. За спиной горел дом, в котором прошли восемь лет её жизни. Рядом лежал щит человека, чьего языка она не понимала. На другом берегу кричали вороны, слетавшиеся к телам.

Адель сжала крестик в ладонях и заставила себя не плакать.

Если Господь не забрал её жизнь сегодня утром, значит, от неё ещё что-то требовалось. Возможно, вытерпеть. Возможно, найти дорогу обратно. Возможно, помочь тем, кого уведут вместе с ней.

Она не знала, кем был Хальвард и почему остальные называли его Волком.

Но уже понимала одно: если она хочет выжить, ей придётся научиться смотреть этому человеку в глаза и не опускать своих.

Глава 3. Крест на ладони

Пленных вывели из монастыря, когда солнце уже поднялось над лесом, но день всё равно казался утренним, недосказанным, не сумевшим начаться по-настоящему. В воздухе висел густой дым. Он стелился над двором, цеплялся за стены, забивался под покрывала сестёр, смешивался с запахом горелого дерева, крови, мокрой земли и испуганного скота. От зернохранилища остались чёрные, потрескивающие балки. Часовня ещё стояла, но крыша над притвором тлела, и через пролом в дверях Адель видела, как внутри мечутся красные отблески. Каменные стены выдержали, как выдерживают камни почти всё, что люди называют концом света; но дом молитвы уже не был домом. Его вывернули, ограбили, раскрыли, будто тело, из которого вынули сердце.

Северяне торопились. Они не устраивали долгого пира среди руин и не радовались победе так, как Адель представляла себе в страшных снах. Победа для них оказалась работой. Одни вытаскивали из кладовых всё, что могло пригодиться: мешки с зерном, связки ткани, инструменты, солёное мясо, кувшины с маслом. Другие добивали раненых лошадей, привязывали уцелевший скот и спорили из-за тяжёлых сундуков. Несколько человек обыскивали тела. Делали это быстро, почти равнодушно, без злорадства, и именно эта обыденность ужасала больше, чем крики. Для них монастырь был не святыней, не убежищем и даже не чужим домом, а местом, где лежали вещи, еда, металл, люди. Всё это можно было взять.

Адель стояла у дороги со связанными руками, окружённая пленниками. Верёвка была грубой, но завязана не так туго, чтобы остановить кровь в пальцах. Хальвард связал её сам, а затем больше почти не смотрел в её сторону, словно дело было окончено: вещь помечена, никто чужой её не тронет, можно заниматься войной. Это равнодушие бесило сильнее открытой жестокости. Рыжебородый Торстейн, чьё имя Адель узнала из гортанных выкриков у костров, хотя и не была уверена, правильно ли его произносит, по крайней мере смотрел на неё с понятным желанием. Его ненависть, похоть и унижение были отвратительны, но ясны. Хальвард же обращался с ней как с чем-то уже решённым. Как с чашей, которую поставили у костра, как с щитом, положенным на землю, как с пленным конём, которому ещё не подобрали повод.

Рядом с Адель сидела сестра Констанция. Её лицо посерело от усталости, а на рукаве проступили бурые пятна чужой крови. Она держала раненую Марту за плечо, не позволяя той завалиться набок. Мать Агнесса находилась чуть дальше, среди старших сестёр. Настоятельница молчала. Ей перевязали висок полосой ткани, но повязка уже успела пропитаться красным у края. Когда северяне приказали пленных поднимать, мать Агнесса поднялась первой. Ноги её подогнулись, но она удержалась и помогла встать женщине с ребёнком, будто именно сейчас, среди обгоревших стен, её обязанность оставалась прежней: поднимать тех, кто слабее.

Адель искала глазами Жанну и Элоизу до последнего. Их не было среди пленных. Она не знала, радоваться этому или бояться сильнее. Если девушки убежали к ручью, они могли спрятаться в зарослях, добраться до одной из дальних хижин, найти людей, которые рискнут помочь. Но они могли и заблудиться. Могли наткнуться на другую группу северян. Могли лежать сейчас где-нибудь под яблонями, куда Адель не разрешили вернуться. Неизвестность въедалась под кожу, как дым.

— Иди, — сказала сестра Констанция тихо, почти не шевеля губами.

Адель повернула к ней голову.

— Что?

— Если увидишь возможность — иди.

— Я не оставлю вас.

Констанция посмотрела на неё без упрёка, но с такой прямоотой, что Адель стало больно.

— Ты уже оставила бы нас, если бы увела девочек. И правильно сделала бы. Не путай верность с бесполезной смертью, дитя.

Слово «дитя» прозвучало странно. За последние несколько часов Адель будто постарела на много лет, но для Констанции она всё ещё оставалась той двенадцатилетней девочкой с сухими глазами, которую когда-то привезли в монастырь и поставили перед настоятельницей, как ставят перед судьёй. Сестра Констанция тогда первая дала ей чашку горячего молока с мёдом, хотя был постный день, и сказала, что Господь не считает слёзы нарушением послушания. Адель тогда не заплакала. Она вообще долго не плакала. Ей казалось, что если она даст слабину, то родительский дом, дорога, лицо матери и спина отца, уходящего к повозке, станут окончательной правдой. Поэтому она молчала и училась быть удобной для чужого решения.

Теперь Констанция говорила ей бежать.

— Они поймают, — прошептала Адель.

— Возможно.

— Тогда зачем?

— Потому что пойманный человек всё ещё жив. Сдавшийся заранее — уже нет.

Один из северян рявкнул приказ. Пленных подняли и погнали к реке. Тех, кто шёл слишком медленно, подталкивали древками копий. Детей несли матери или старшие сёстры. Раненых тащили под руки. Нескольких мужчин связали отдельно; их вели в стороне, под более строгим надзором. Видимо, северяне опасались, что они ещё способны сопротивляться или представляют большую ценность для выкупа. Сестёр поставили почти в середину общей цепочки, между крестьянскими женщинами и двумя мальчишками-подростками, которые старались держаться храбро, но всё время оглядывались на дымящийся монастырь.

Адель шла не рядом с Хальвардом. Он оказался впереди, возле нескольких воинов, обсуждавших что-то с человеком в дорогом плаще, украшенном мехом и металлическими застёжками. Тот, вероятно, был одним из вождей или ближайших людей предводителя похода. Он говорил громко, уверенно, и остальные слушали. Хальвард почти не отвечал. Его молчание среди шумных товарищей не выглядело покорностью. Скорее, он выбирал, на какие слова стоит тратить дыхание. Щит у него был за спиной, меч у пояса, в руке — короткий топор, который он держал не угрожающе, а привычно, как крестьянин держит серп на пути к полю.

Иногда северяне оборачивались на Адель. Не все одинаково. Кто-то с любопытством, кто-то с насмешкой, кто-то с раздражением, будто её присутствие уже стало причиной лишних споров. Торстейн, всё ещё с распухшим лицом, шёл в стороне. Он не приближался, но дважды Адель ловила его взгляд. В нём не осталось той весёлой похоти, с которой он преследовал её в огороде. Теперь это была тяжёлая личная обида. Она стала для него не только женщиной, но и знаком унижения: из-за неё Хальвард ударил его при товарищах, а он не ответил.

Дорога к Сене проходила между полями и редкими крестьянскими домами. Часть построек уже горела. У одной хижины Адель увидела перевернутую телегу, рассыпанную капусту и старую женщину, сидящую прямо в грязи. Та не плакала, не молилась и не просила помощи. Просто смотрела на проходящих северян, на пленных, на дым над собственной крышей, и лицо её было пустым, будто душа успела уйти раньше тела. Рядом бегала курица с подпалёнными перьями. Этот нелепый, жалкий вид живой птицы среди разрушения почему-то едва не сломал Адель сильнее, чем мёртвые у ворот.

Она сжала крестик в ладони. Пальцы почти не слушались из-за верёвки, но маленький металл всё же лёг между большим и указательным пальцем. Крест был тёплым от тела. Адель знала каждую неровность на нём: потёртый край, крошечную вмятину, оставшуюся, кажется, ещё до неё, и место, где когда-то сломалось ушко, а потом местный кузнец грубо припаял новое. Этот крест был не украшением и даже не святыней в строгом смысле. Он был последней вещью, связывавшей её с матерью. Последней вещью, которую северяне ещё не отняли.

Впереди дорога раздваивалась. Один путь вёл прямо к пристани, где стояли драккары. Другой уходил левее, к низкому перелеску, за которым начинался овраг и старый заброшенный выгон. Весной там обычно собиралась талая вода, а в густом кустарнике можно было спрятаться даже взрослому человеку. Если перебраться через выгон и подняться по дальнему склону, можно выйти к лесу. Дальше — Бог знает. Но лес был не рекой. В лесу корабли не догонят. В лесу можно упасть под корнями, заблудиться, умереть от холода ночью, но это будет смерть на своей земле, а не чужой путь по воде.

Адель увидела возможность не сразу. Сначала один из мальчишек впереди споткнулся. Женщина, шедшая рядом, нагнулась помочь ему, и вся цепочка замедлилась. Северянин с копьём обругал их, толкнул женщину в плечо, та едва не упала. В этот момент сзади раздался крик: один из пленных мужчин попытался вырваться. Всё внимание стражи на несколько мгновений сместилось назад. Кто-то ударил беглеца древком по спине. Другие повернулись. Торстейн тоже отвернулся, зло усмехаясь.

Хальвард был впереди.

Сестра Констанция не посмотрела на Адель. Она лишь чуть заметно сдвинула плечо, закрывая её от ближайшего воина, и прошептала:

— Сейчас.

Адель не думала.

Если бы она начала думать, то осталась бы на месте. Она представила бы, как быстро северяне бегают, как легко летит копье, как мало у неё сил после дыма, падения и бессонной молитвы. Она вспомнила бы мать Агнессу, Констанцию, Марту, женщин с детьми, оставленных позади. Она убедила бы себя, что бежать сейчас эгоистично и бесполезно. Поэтому она не думала. Просто сделала шаг в сторону, затем второй, а потом бросилась к перелеску.

Первые несколько мгновений никто не закричал.

Земля под ногами была мягкой после ночной сырости. Подол путался в ногах. Связанные руки мешали держать равновесие. Адель бежала неуклюже, почти падая, но всё-таки бежала. В груди кололо. Волосы, выбившиеся из-под остатка покрывала, липли к лицу. За спиной кто-то наконец крикнул. Потом ещё кто-то. Звук рога не раздался — слишком мала добыча, чтобы тревожить весь отряд. Но тяжёлые шаги по земле она слышала почти сразу.

Она не обернулась.

Кусты были ближе. Серые, голые после зимы ветви казались раскрытыми руками. Ещё немного — и она нырнёт между ними, упадёт, поползёт, спрячется в мокрых листьях, в грязи, в корнях, станет частью леса. Северяне в мехах и кольчугах не полезут далеко за одной женщиной. У них есть корабли, добыча, Париж впереди. Возможно, Хальвард не захочет тратить время. Возможно, он сочтёт, что вещь, которая сама бросилась в лес, не стоила спора с Торстейном.

Ветки хлестнули по лицу. Адель влетела в перелесок и тут же споткнулась о корень. Колени ударились о землю. Она поднялась, но боль вспыхнула в ноге так резко, что на миг потемнело в глазах. Связанные руки не позволяли отвести ветви. Тонкие прутья царапали щёки, цеплялись за волосы, рвали платье. Она протиснулась глубже, туда, где кустарник спускался к оврагу.

За спиной уже ломались ветки.

Адель всё-таки оглянулась.

Хальвард шёл за ней.

Не бежал так, как бегут люди в панике или ярости. Он двигался быстро, но спокойно, с той страшной уверенностью, с какой утром вошёл в её жизнь через дым монастырского двора. Он не кричал. Не угрожал. Не звал на помощь. Просто шёл по её следу, пригибаясь под ветвями, и расстояние между ними сокращалось слишком быстро. Его плащ зацепился за куст, он

без раздражения отстегнул застёжку и оставил мех висеть на колючках. Под плащом виднелась кольчуга, кожаный нагрудник и тёмная рубаша, влажная у ворота.

Адель бросилась вниз по склону.

Земля ушла из-под ног. Она поскользнулась, попыталась удержаться за ветку, но связанные руки сорвались, и она покатилась по мокрой траве, корням и прошлогодним листьям. Мир стал комом боли, холода и серого света. Камень ударил в бедро. Ветка полоснула по щеке. Наконец падение остановилось у самого дна оврага, где между корнями текла узкая мутная вода.

Несколько мгновений она лежала, не в силах вдохнуть.

Потом перевернулась на бок и попыталась подняться. Нога дрожала, но, кажется, не была сломана. Она сделала шаг, второй, вошла в ледяную воду почти по щиколотку и пошла вдоль ручья. В голове оставалась только одна мысль: дальше. Неважно куда. Неважно как. Дальше от дороги, кораблей, дыма, от человека, который счёл её своей.

Сильная рука схватила её за плечо.

Адель закричала и резко обернулась. Хальвард стоял на краю ручья, запачканный грязью почти до колен. На его лице появилась тонкая царапина — видимо, ветка всё-таки достала и его. Он держал её не грубо, но крепко. В другой руке у него не было ни топора, ни ножа. Оружие оставалось за поясом.

Она ударила его связанными руками в грудь. Удар вышел слабым. Хальвард даже не покачнулся. Тогда Адель попыталась вырваться, но он перехватил её за запястья, поднял связанные руки и посмотрел на верёвку. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на досаду. Возможно, он решил, что связал плохо. Возможно, что пленница слишком упряма для собственной пользы.

— Отпусти! — крикнула она. — Отпусти меня!

Он ответил на своём языке. Одно короткое слово. Потом, увидев, что она не понимает, выдохнул и вдруг перешёл на ломаный язык франков:

— Тихо.

Слово прозвучало грубо, с чужим ударением, но понятно.

Адель замерла.

Не от послушания. От неожиданности.

— Ты говоришь? — выдохнула она.

Хальвард слегка нахмурился, будто вопрос был слишком быстрым. Потом повторил:

— Тихо. Не... — он искал слово, раздражённо прищурившись, — не кричи.

Адель рассмеялась. Смех вышел коротким и почти безумным. Она стояла по щиколотку в ледяной воде, со связанными руками, с разбитым коленом и царапиной на щеке; за спиной дымил монастырь, впереди ждали корабли, а человек, участвовавший в её пленении, просил не кричать, словно её голос причинял ему неудобство.

— Не кричать? — переспросила она. — Ты уводишь меня от дома, а я должна молчать?

Хальвард, очевидно, понял не всё. Он смотрел внимательно, но не как человек, слушающий речь. Скорее, как охотник, который пытается угадать направление зверя по движению травы. Он знал отдельные слова. Возможно, торговал с франками, возможно, брал пленников раньше, возможно, ходил по этим берегам не впервые. Но язык не принадлежал ему, и сложные фразы проходили мимо.

— Ты бежала, — сказал он наконец.

— Да.

— Зачем?

Адель на мгновение потеряла дар речи. Вопрос был настолько нелепым, что не сразу воспринимался как настоящий. Она ожидала удара, угрозы, рывка за верёвку, холодного реше-

ния вернуть её к остальным и связать крепче. Но Хальвард спрашивал. Не вежливо, не мягко, однако без насмешки. Он действительно хотел знать, зачем она бежала.

— Затем, что я пленница.

Он кивнул, словно это было очевидно, но недостаточно для ответа.

— Тебя не резали, — сказал он. — Не били. Ты шла. Жива.

— Как великодушно.

Он не понял.

Адель выдернула руки, но Хальвард не отпустил. Тогда она шагнула ближе, сама не зная, зачем. Вода плеснула вокруг ног.

— Ты спрашиваешь, почему я выбрала лес? Потому что на твоём корабле меня ждёт то, что страшнее смерти.

Хальвард нахмурился сильнее.

— Смерть — смерть. Другое — не смерть.

— Для тебя.

Он молчал.

Адель поняла, что он не понимает не слов, а самого смысла. В его мире, возможно, плен означал труд, продажу, выкуп, другую жизнь, но не то, что разрывало душу женщины прежде, чем тело. Он видел перед собой живого человека и искренне не мог осмыслить, почему этот человек бросился в лес, где можно сломать шею, умереть от холода или попасть к волкам. Он считал страх перед бесчестьем странной выдумкой южан, роскошью людей, у которых слишком много слов о невидимом.

— Торстейн, — сказала Адель.

Имя с трудом далось её языку, но Хальвард понял сразу. Его лицо осталось неподвижным.

— Нет, — сказал он.

— Нет?

— Нет Торстейн.

— Сегодня нет. Потому что ты ударил его. А завтра? Или через три дня? Или когда тебе надоест спорить за женщину, имени которой ты даже не знаешь?

Хальвард смотрел на неё. Теперь он понимал меньше, но улавливал больше. Адель видела это по тому, как сузились его глаза и как медленно он перевёл взгляд на её связанные руки.

— Моя, — сказал он наконец. — Они не тронут.

Вот оно. Простое, ясное, окончательное слово. Моя. В нём была и защита, и приговор. Другие не тронут, потому что вещь принадлежит Волку. Чужой нож не берут без спроса. Чужой щит не уносят из-под головы спящего. Чужую пленницу не делят, если мужчина, заявивший на неё право, способен сломать нос тому, кто поспорит.

Адель стало холодно, хотя она уже промокла в ручье.

— Я не твоя.

Он явно слышал эту фразу уже второй раз и снова не понял, почему она должна менять положение вещей.

— Моя добыча, — уточнил он.

Слово «добыча» на франкском прозвучало тяжело, почти с усилием. Видимо, он нечасто пользовался им в речи. Или знал только потому, что такие вещи приходится объяснять пленным.

Адель подняла связанные руки. Верёвка натянулась между ними.

— Это и есть твой закон? Кто взял, тот прав?

Хальвард ответил слишком быстро, на своём языке. Потом остановился, вспомнив, что она не поймёт, и сказал медленно:

— Сильный держит. Слабый теряет.

— Значит, ты сильный?

Он не улыбнулся.

— Да.

В этом «да» не было хвастовства. Он произнёс его как факт, не требующий украшений. У дерева есть корни. У реки есть течение. У Хальварда есть сила. И потому он имеет право держать то, что захватил.

Адель подумала о монастыре, о сестре Констанции, о Жанне и Элоизе, о матери Агнессе с кровью на виске. Подумала о своём отце, который когда-то решил, что младшая дочь не стоит приданого; о матери, говорившей, что жизнь в обители лучше унижения перед мужем; о священнике, убеждавшем, что послушание очищает волю. Странная, горькая ясность обожгла её. Мужчины с севера брали топором. Мужчины её земли брали словами, договорами, семейной честью и именем Бога, когда им это было удобно. Разница существовала, но не такая большая, как ей хотелось верить утром.

— Человек может потерять жизнь, — сказала она медленно, чтобы он понял хотя бы часть. — Дом. Имя. Всё, что у него есть. Но себя он не обязан отдавать добровольно.

Хальвард молчал.

Адель осторожно высвободила одну ладонь из его хватки. Он позволил. Она раскрыла пальцы, сжав в другой руке крестик, и положила маленький металл на ладонь. Крест блеснул тускло, в сером свете оврага. На нём была грязь, а в месте спайки застряла тонкая нить от её платья.

— Это не просто металл, — сказала она. — Не серебро. Не вещь для добычи. Это знак. Хальвард посмотрел на крест. Потом на неё.

— Белый бог?

Она горько усмехнулась.

— Для тебя — белый бог. Для меня — Господь.

Он повторил с трудом:

— Господь.

Слово прозвучало неправильно, но не насмешливо. Хальвард будто пробовал чужой звук, как пробуют неизвестное оружие в руке: тяжесть, форму, пользу.

— Я дала обет, — продолжила Адель. — Обещание. Жить иначе. Быть не женой, не товаром, не наградой мужчине. Возможно, я сама не до конца понимала, чего хочу. Возможно, этот путь выбрали за меня. Но даже если так — ты не имеешь права решать, что теперь я принадлежу тебе.

Она понимала, что говорит слишком быстро. Хальвард уловил лишь отдельные слова: обет, жена, мужчина, принадлежу. Но что-то в её голосе удерживало его от немедленного ответа. Возможно, он впервые услышал не просто отказ пленницы, а стройную, упрямую стену смысла, за которой стояла не истерика и не страх, а закон, чужой его закону.

Он протянул руку к кресту.

Адель напряглась, но не отдёрнула ладонь.

Пальцы Хальварда коснулись металла осторожно. Для человека, который несколькими минутами раньше без труда тащил её сквозь двор, это движение выглядело почти странным. Он не схватил крест, не сорвал его, не поднял к глазам как трофей. Только коснулся края большим пальцем, проверяя, что вещь действительно существует, что она холодная, маленькая, не способная защитить тело, но почему-то важная настолько, что женщина готова ради неё спорить с вооружённым врагом в мокром овраге.

— Из-за этого ты бежала умирать? — спросил он.

Адель закрыла пальцы вокруг креста.

— Не только из-за этого.

— Из-за чего?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Чтобы ты не думал, будто я иду спокойно.

Хальвард долго не отвечал.

Сверху, со стороны дороги, донеслись голоса. Кто-то звал его. Имя прозвучало резко, с нетерпением. Хальвард поднял голову, но не сразу ответил. В этот момент Адель особенно ясно ощутила, насколько они отделены от остального мира: узкий овраг, ледяная вода, серый свет, связанные руки, маленький крест в ладони и человек, чьё имя уже стало для неё частью страха. Наверху были корабли, пленники, дым, добыча и война. Здесь — вопрос, который, возможно, не мог возникнуть при свидетелях.

— Адель, — сказала она.

Хальвард посмотрел на неё.

— Что?

— Моё имя. Адель.

Он повторил:

— Адель.

На его языке имя стало твёрже, потеряло мягкость, но осталось узнаваемым. Почему-то от этого в груди кольнуло сильнее, чем от верёвки на руках. До этого она была для него добычей. Монахиней. Женщиной с крестом. Теперь имя прозвучало между ними, и вместе с ним возникла новая опасность: названного человека труднее полностью превратить в вещь.

— Хальвард, — произнёс он после короткой паузы, хотя она уже знала.

— Волк, — сказала Адель.

Впервые на его лице появилось почти заметное выражение. Не улыбка. Скорее, след понимания, что прозвище дошло до неё.

— Ульв, — поправил он. — Волк.

— И ты гордишься этим?

Он задумался, будто вопрос требовал перевода не между языками, а между мирами.

— Волк не просит.

— И не спрашивает.

Хальвард опустил взгляд на её связанные руки.

— Нет.

— Значит, это правда.

Он снова поднял глаза.

— Что?

— Что волк сильный только до тех пор, пока рядом с ним все слабее.

Этого он, кажется, не понял вовсе. Или понял слишком хорошо и потому не ответил. Сверху его снова позвали. На этот раз в голосе прозвучало раздражение. Хальвард резко ответил на своём языке. Голоса стихли, но ненадолго.

Адель вдруг почувствовала, что замёрзла. Холод ручья добрался до костей. Мокрый подол прилип к ногам. На щеке саднила царапина. После короткого рывка бегства слабость навалилась разом, и ей пришлось сделать усилие, чтобы не покачнуться. Хальвард заметил это.

Он вытащил нож.

Адель отшатнулась, но он лишь взял её связанные руки и одним движением перерезал верёвку.

Освобождение было таким неожиданным, что она не сразу поняла, что может развести запястья. На коже остались красные полосы. Адель прижала руки к груди, ожидая подвоха.

Хальвард убрал нож.

— Бежать — плохо, — сказал он.

— Для кого?

Он указал вверх, туда, где за деревьями лежала дорога.

— Много людей. Не мои. Другие. Торстейн. Лес. Ночь. Волки. Ты умрёшь.

— А на корабле буду жить?

— Да.

— Как добыча.

Он помолчал.

— Пока.

Слово ударило неожиданнее угрозы.

— Пока?

Хальвард нахмурился, словно сам не был доволен тем, что сказал больше, чем собирался. Он взял её за локоть, но не грубо, и вывел из воды на сухое место у корней. Потом снял с плеча узкий шерстяной плащ, оставшийся под верхним меховым, и бросил ей.

Адель не поймала. Ткань упала на грязь между ними.

— Надень, — сказал он.

Она посмотрела на плащ. Потом на Хальварда.

— Зачем?

Он раздражённо выдохнул.

— Холод.

— Тебя заботит, что я замёрзну?

— Моя добыча не должна умереть в ручье.

Жестокие слова вернули всё на место. Адель почувствовала почти облегчение от этой ясности. Ей не хотелось видеть в нём человека, способного заметить её дрожь без выгоды для себя. Гораздо проще было ненавидеть Волка, который бережёт добычу только потому, что уже заявил на неё право.

Она не подняла плащ.

Хальвард смотрел на неё несколько мгновений, потом сам поднял ткань и набросил ей на плечи. Адель хотела сбросить, но холод победил гордость. Плащ был грубым, пах дымом, солью, кожей и самим Хальвардом. Этот запах окружил её так тесно, что стало трудно дышать.

— Я всё равно не пойду спокойно, — сказала она.

Он кивнул.

— Знаю.

В этом ответе не было злости. Только новая, почти неприятная внимательность.

Хальвард не стал снова связывать ей руки. Он поднялся по склону первым, но несколько раз останавливался, ожидая, пока Адель выберется следом. Когда ей пришлось ухватиться за корень, чтобы не поскользнуться, он протянул руку. Она не приняла помощь. Вскрабкалась сама, порвав край платья ещё сильнее. Хальвард не настаивал.

Наверху их ждали трое северян. Один из них — молодой воин с кровью на щеке — рассмеялся, увидев, что пленница возвращается без верёвки и в плаще Хальварда. Он что-то сказал, явно двусмысленное, судя по тому, как усмехнулся второй. Хальвард ответил так тихо, что Адель не разобрала даже интонации. Улыбки исчезли.

Торстейн стоял у дороги, сложив руки на груди. Его разбитое лицо потемнело от злости. Он смотрел не на Хальварда, а на плащ, лежавший на плечах Адель. Затем перевёл взгляд на её свободные руки.

— Ульв, — сказал он резко.

Хальвард остановился.

Между ними повисла тишина. Смысл слов, которыми обменялись мужчины, ускользал от Адель, но она уловила главное: Торстейн недоволен. Не просто тем, что Хальвард забрал пленницу. Теперь его раздражало, как именно Хальвард это делает. Добычу не водят без верёвки. Добыче не дают плащ. С добычей не возвращаются из оврага после долгого разговора.

Хальвард произнёс несколько слов.

Торстейн сплюнул на землю.

Хальвард сделал шаг к нему.

Этого оказалось достаточно.

Рыжебородый отвернулся первым.

Когда они вернулись к остальным пленникам, Адель почувствовала на себе множество взглядов. Сестра Констанция не спросила, что произошло. Только увидела несвязанные руки, плащ на плечах и перекрестилась так незаметно, что это могло показаться случайным движением. Мать Агнесса смотрела дольше. В её взгляде читалась тревога, но не осуждение.

Адель села рядом с Констанцией.

— Ты ранена? — спросила сестра.

— Нет.

— Он бил тебя?

Адель покачала головой.

Констанция посмотрела на плащ.

— Это его?

— Да.

— Почему?

Адель сжала крестик в ладони. На коже ещё оставалось ощущение чужих пальцев, осторожно коснувшихся металла.

— Не знаю.

Это была правда.

Пленных снова погнали к реке. На этот раз Адель шла сама, без верёвки на руках. Один из северян попытался указать на это Хальварду, но тот бросил короткий ответ, и больше вопрос не поднимался. Формально ничего не изменилось. Она всё ещё была пленницей. Её вели к кораблям. Дом за спиной горел. Свобода осталась в овраге, среди мокрых корней и мутной воды.

Но что-то сдвинулось.

Хальвард больше не шёл далеко впереди. Он двигался сбоку, на расстоянии нескольких шагов, будто невзначай закрывая её от Торстейна и других мужчин. Адель замечала это и злилась на себя за то, что замечает. Защита не отменяла плена. Плащ не превращал захватчика в спасителя. Перерезанная верёвка не возвращала выбора. Она повторяла это мысленно, как молитву, чтобы не позволить страху и усталости исказить правду.

У самой реки ветер стал сильнее. Он гнал к берегу запах воды, рыбы, смолы и мокрого дерева. Драккары покачивались у пристани. На одном уже складывали добычу, на другом сидели раненые. Несколько северян смеялись у костра, разделявая тушу овцы. Жизнь их похода текла дальше, не задержанная гибелью монастыря.

Адель остановилась на мгновение перед ближайшим кораблём.

Она никогда прежде не была на таком судне. Узкий корпус казался слишком лёгким, почти хрупким для большой реки и множества людей. Резная звериная голова на носу смотрела вперёд с открытой пастью. Вдоль борта висели щиты. Внутри лежали вёсла, мешки, оружие, чужие сундуки. Теперь там должно было найтись место и для неё.

Хальвард встал рядом.

— Иди, — сказал он.

Адель посмотрела на доску, переброшенную с берега на борт. Потом на воду. Сена текла мимо, равнодушная к дыму, телам, молитвам, добыче и именам. Та же река, на которую она смотрела утром с башни. Утром она ещё была сестрой Адель из маленького монастыря у берега. Теперь она стояла в плаще северянина, со следами верёвки на руках и крестом, спрятанным в кулаке.

— Я иду не потому, что признаю твоё право, — сказала она.

Хальвард, вероятно, понял лишь часть, но не перебил.

— Я иду, потому что сейчас у меня нет силы уйти. Это не одно и то же.

Он смотрел на неё долго. Потом произнёс:

— Не одно.

Адель подняла голову. Ей показалось, что он просто повторил знакомые слова, не осмыслив их. Но в его взгляде больше не было того прежнего спокойного права собственника. Там появилось другое: недоумение, раздражение и интерес. Так смотрят не на чашу и не на коня. Так смотрят на закрытую дверь, за которой кто-то говорит на незнакомом языке, и человек вдруг понимает, что дверь можно не только выбить.

Её можно попытаться открыть.

Адель ступила на доску.

Она не знала, что ждёт её впереди. Париж, север, продажа, смерть, новый побег или долгая жизнь среди чужих людей. Но, поднимаясь на корабль Хальварда, она сжала крестик так крепко, что край впился в ладонь. Боль была маленькой, ясной и собственной.

Пока она чувствовала её, Адель знала: не всё в ней захвачено.

Глава 4. На корабле язычников

Доска под ногами прогнулась.

Адель остановилась на полпути между берегом и кораблём, хотя Хальвард стоял позади и уже мог одним движением заставить её идти дальше. Внизу, между тёмным бортом драккара и размытым весенней водой берегом, плескалась Сена. Она была совсем близко. Мутная, холодная, с мелкими щепками и чёрными хлопьями сажи на поверхности. Если бы Адель сейчас шагнула в сторону, если бы просто бросилась вниз, связав себя с рекой последним свободным решением, то, возможно, никто не успел бы схватить её прежде, чем тяжёлое платье намокнет и потянет ко дну. Мысль мелькнула не как желание, а как проверка края: вот он, последний выход, всегда где-то рядом, если человек не видит иной дороги.

Хальвард, будто прочитав не мысль, а едва заметное движение её плеч, произнёс:

— Нет.

Слово прозвучало спокойно. Не просьба, не приказ даже, а сухое обозначение границы. Адель не обернулась.

— Ты не знаешь, о чём я думаю.

— Знаю.

Она всё-таки повернула голову. Он стоял на берегу, опираясь одной рукой на щит, другой придерживая край доски, чтобы она не смещалась под ногами. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и теперь Адель впервые ясно увидела усталость на его лице: сажа у виска, грязь на щеке, засохшая кровь возле царапины, появившейся в овраге. Вчера, если бы кто-то сказал ей, что утром она будет различать на лице северянина такие подробности, Адель сочла бы это бредом больного. Но вчерашнего мира больше не существовало.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — сказала она.

Хальвард посмотрел на воду, потом снова на неё.

— Знаю. Ты не падаешь. Ты дерёшься.

Слова на языке франков давались ему тяжело, но смысл был ясен. Он не считал её склонной к самоубийству. Считал склонной к сопротивлению. Почему-то это ранило сильнее, чем грубое недоверие. Даже враг уже успел увидеть в ней черту, которую дома и в монастыре многие принимали за упрямство, неудобство или не до конца смирённую гордыню.

— А если я всё же упаду? — спросила Адель.

— Вытащу.

— А если не успеешь?

— Успею.

Он произнёс это так, будто спорить было не о чем. Адель на мгновение представила: холодная вода, тяжесть мокрой ткани, руки, хватающие за волосы или за ворот, рывок вверх, кашель, унижение, чужой смех. Нет, даже смерть он не отдаст ей просто так, если решит, что она принадлежит его доле.

Она шагнула на корабль.

Борт оказался ниже, чем ей представлялось с берега. Драккар не был высокой крепостью на воде; наоборот, он казался почти открытым, беззащитным перед ветром, дождём и стрелами. Внутри тянулись поперечные скамьи для гребцов. Между ними лежали мешки, свёртки, шкуры, оружие, деревянные чаши, мотки верёвок, бочонки, снятые с монастырского склада, и чужие вещи, уже потерявшие хозяев: женская пряжка с голубой эмалью, детская деревянная лошадка, маленький медный подсвечник, треснувшая миска. У носа лежали копья и несколько круглых щитов. У кормы стоял человек с седыми висками и широкими плечами; он проверял рулевое весло и почти не смотрел на пленников, как не смотрят на груз, пока он не мешает равновесию.

Адель заставили сесть ближе к середине корабля, возле борта. Хальвард не связал ей руки снова, но положил свой щит так, что он отделял её от прохода к носу, а сам сел неподалёку. Расстояние между ними было достаточно большим, чтобы он не касался её, но достаточно малым, чтобы никто иной не мог приблизиться незаметно. Адель ненавидела эту точность. В ней было слишком много расчёта и слишком мало обычной грубой небрежности, за которую проще держаться сердцем.

Других пленников распределяли по соседним кораблям. Сестру Констанцию увели на драккар с полосатым парусом, стоявший чуть ниже по течению. Марту поддерживали под руки две крестьянки; она едва шла и всё время держалась за перевязанное плечо. Мать Агнессу Адель увидела только мельком: настоятельницу вместе с несколькими старшими монахинями посадили на другой корабль, где уже лежали мешки с зерном и сидели связанные мужчины. Когда мать Агнесса проходила по берегу, она подняла голову и нашла Адель глазами. Не благословила открыто, не крикнула, не попыталась подойти. Только посмотрела — долго, прямо, с той суровой нежностью, которую Адель прежде редко умела принимать.

Адель сжала крестик под плащом Хальварда.

Она хотела вернуть ему плащ. Хотела сбросить чужую шерсть, не носить запах дыма, соли и мужской кожи. Но после оврага холод всё ещё сидел в костях, а ветер на реке пробирал сквозь мокрый подол. Гордыня, как выяснилось, тоже имеет предел, особенно когда пальцы немеют, а зубы грозят застучать так громко, что услышат враги.

На корабль поднялись ещё двое пленных: пожилой крестьянин с разбитой бровью и мальчишка лет четырнадцати, вероятно, чей-то подмастерье. У мальчишки были слишком большие для худого лица глаза. Он пытался не смотреть на северян и всё время теребил край рукава. Один из воинов толкнул его к Адель, и тот сел рядом, сгорбившись, будто надеялся стать меньше собственного страха.

— Как тебя зовут? — тихо спросила Адель.

Мальчик вздрогнул.

— Мартен.

— Ты ранен?

Он покачал головой, потом, будто испугавшись собственной лжи, показал ладонь. Кожа была содрана о камень, но рана неглубокая.

— Это можно промыть. Потом.

— Они нас продадут? — спросил он почти беззвучно.

Адель посмотрела на Хальварда. Тот разговаривал с седовисым кормчим и, казалось, не слушал, но она уже не была уверена, что может судить о его внимании.

— Не знаю.

— Мой отец говорит, северяне режут тех, кто не может работать.

— Твой отец здесь?

Мартен замолчал. Ответ стал ясен без слов.

Адель не нашла утешения. До этого утра ей казалось, что в самые страшные минуты она будет знать, какие слова нужно сказать. Псалмы, молитвы, обещания Царства Небесного, наставления о терпении. Всё это существовало в книгах, в проповедях, в спокойные дни возле постели умирающего старика, который прожил жизнь, вырастил детей и теперь просил только, чтобы ему принесли воды. Но что сказать мальчику, чей отец, возможно, лежит у ворот монастыря или сгорел в собственном доме? «Не бойся»? Ложь. «Господь милосерден»? Истина, которая сейчас может прозвучать жестокостью. «Терпи»? Разве ребёнок сам не понимает, что ему больше ничего не остаётся?

Она осторожно положила ладонь поверх его содранных пальцев.

— Смотри на меня, когда станет страшно, — сказала Адель. — Не на них. Не на реку. На меня. Так легче.

Мартен кивнул. Слишком быстро, слишком послушно.

С берега отвязали канат. Несколько воинов оттолкнули драккар длинными шестами. Корабль дрогнул, отошёл от грязной кромки берега, и между ним и землёй появилась полоса воды. Маленькая сперва, потом шире. Адель смотрела на неё так, будто именно в этой полосе исчезали последние остатки прежней жизни. Берег с обгоревшей травой, люди, дымящийся монастырь за деревьями, дорога, по которой её вели, — всё начало медленно отдаляться.

Вёсла опустились в воду.

Первый общий удар прошёл по кораблю, как дыхание большого зверя. Драккар скользнул вперёд. Вода зашуршала вдоль борта. Адель не удержалась и схватилась за край скамьи. Сена подхватила судно, и мир, неподвижный до этого, вдруг стал движущимся. Берег поплыл назад. Дым вытянулся длинной полосой. Крики у пристани стали глуше. Драккары один за другим отходили от берега, выстраиваясь на реке, словно стая тёмных птиц.

На носу кто-то запел.

Голос был низкий, хриплый, без привычной церковной стройности. Другие подхватили не сразу. Песня шла не вверх, как молитва, а вперёд — в ритм вёсел, в воду, в плечи гребцов. Адель не понимала слов, но слышала в них не только радость победителей. Там был труд, усталость, хвастовство, память о доме и что-то грубое, почти насмешливое по отношению к смерти. Северяне пели, пока берег с разорённым монастырём уходил за изгиб реки.

Адель хотела ненавидеть эту песню.

И ненавидела.

Но вместе с тем не могла не замечать, что поёт не безликое войско чудовищ, а люди, у каждого из которых есть голос. Один сбивался и смеялся. Другой хрипел, потому что сорвал горло. Третий не пел вовсе, только двигал веслом и смотрел на свою перевязанную руку. Молодой воин с кровью на щеке, тот самый, что смеялся над ней у огорода, теперь сидел напротив пожилого северянина и давал ему кусок хлеба. Хлеб был монастырский. Испечённый вчера руками сестры Беатрисы. Молодой разломил его пополам, одну часть оставил себе, другую сунул товарищу. Старший взял, проворчал что-то, и оба усмехнулись.

Адель отвернулась.

Она не хотела видеть этого. Не хотела знать, что человек, который час назад мог стоять у ворот с мечом, теперь делит хлеб. Не хотела замечать, как один северянин осторожно подтягивает повязку на бедре другого, чтобы не причинить лишней боли. Не хотела слышать, как кто-то тихо произносит имя павшего товарища, сидя у борта и глядя на воду, а двое рядом молча касаются его плеча. Всё это не отменяло убийств. Не возвращало Пьера к его жене. Не поднимало брата Матфея. Не очищало руки, грабившие часовню. Но простая картина мира — там люди, здесь звери — начинала трескаться, и Адель злилась на эти трещины так, будто сама была виновата в их появлении.

Убийца не обязан всё время выглядеть убийцей.

Эта мысль оказалась невыносимой.

Хальвард сидел у борта чуть впереди, держа на коленях небольшой камень и точильный брусок. Он чистил лезвие топора от засохшей крови. Делал это тщательно, сосредоточенно, без удовольствия и без отвращения. Когда с лезвия сошла тёмная корка, он вытер металл куском ткани — возможно, когда-то частью чьего-то покрывала, — проверил пальцем край и убрал топор у бедра. Потом достал из мешка грубый хлеб, отломил кусок и протянул Адель.

Она не взяла.

Он держал хлеб некоторое время. Потом положил его на скамью рядом с ней.

— Ешь.

— Это из нашего монастыря.

Хальвард посмотрел на хлеб, словно не сразу понял, почему происхождение пищи должно помешать голодному человеку.

— Хлеб.

— Украденный хлеб.

Он нахмурился, подбирая слова.

— Взятый.

— Украденный.

— Мы взяли.

— А те, кто пёк его, теперь голодны или мертвы.

Эту фразу он почти не понял. Но понял выражение её лица. Хальвард перевёл взгляд на Мартена, затем обратно на Адель. После короткой паузы он взял хлеб, разломил на две части, одну протянул мальчику, вторую снова положил рядом с Адель.

Мартен посмотрел на неё, ожидая разрешения.

У Адель сжалось горло.

— Ешь, — сказала она.

Мальчик схватил хлеб и начал жевать слишком быстро, давясь сухой коркой. Ему было всё равно, чей это хлеб. Живые едят то, что есть. Мёртвые не возвращают украденного отказом от пищи.

Адель ненавидела собственную разумность, когда всё же подняла кусок. Она не могла позволить себе ослабеть. Не сейчас. Не среди чужих людей. Не рядом с человеком, который уже решил, что её жизнь находится в пределах его руки. Она ела маленькими кусочками, почти не чувствуя вкуса. Хлеб был вчерашний, плотный, с тмином. Сестра Беатриса всегда добавляла тмин весной, когда оставалось мало хорошей муки, и говорила, что так кажется сытнее.

Адель проглотила кусок вместе со слезами, которые не позволила себе пролить.

День тянулся бесконечно.

Флот двигался вверх по Сене. Иногда корабли расходились, обходя мелководье, иногда сближались так, что можно было переговариваться между бортами. Северяне смеялись, перекликались, показывали друг другу найденные вещи. Пленные молчали. На берегах то появлялись, то исчезали следы бегства: брошенная телега, открытые двери хижин, разбросанные по дороге узлы, дымок над дальним селением. Люди, жившие вдоль реки, уже знали или догадывались, что пришло с воды. Где-то колокол бил тревогу, но звук его быстро отставал за поворотом.

К вечеру небо затянуло низкими облаками. Солнце превратилось в тусклое пятно. Ветер усилился, и гребцам стало тяжелее держать ритм. Несколько кораблей пристали к низкому берегу, где лес подходил почти к самой воде. Остальные последовали за ними. Северяне выбрали место для стоянки быстро и уверенно: одни выносили добычу, другие разводили костры, третьи ставили дозорных. Пленных согнали на открытое место между деревьями и рекой. Часть мужчин оставили связанными, женщин и детей посадили ближе к одному из костров под присмотром двух воинов.

Адель увидела сестру Констанцию только после захода солнца. Её привели вместе с другими пленницами. Марты рядом не было.

— Где она? — спросила Адель, едва Констанция опустилась рядом.

Сестра не сразу ответила. Её руки дрожали; на пальцах засохла кровь.

— Умерла на корабле.

Адель закрыла глаза.

— От раны?

— От страха, от крови, от Божьей воли — называй как хочешь. Я держала её за руку.

— Она страдала?

Констанция долго смотрела в огонь.

— Не в конце.

Это должно было утешить. Не утешило.

Мартен сидел рядом, прижимая к груди колени. Пожилой крестьянин с их корабля молча грыз кусок вяленой рыбы, который ему бросил один из северян. Несколько детей уснули прямо на земле, уткнувшись в подолы матерей. Женщина с младенцем пыталась кормить ребёнка, но молока, кажется, почти не было. Ребёнок слабо плакал, открывая рот и снова теряя грудь.

Адель хотела подойти, но Хальвард перехватил её взгляд и покачал головой.

— Я не убегу с младенцем на руках, — сказала она холодно.

Он не понял фразы, но понял направление её движения. Посмотрел на женщину, на ребёнка, потом на Торстейна, сидевшего у соседнего костра, и коротко подозвал молодого воина с белёсыми волосами. Тот недовольно поднялся. Хальвард что-то сказал ему, указав на Адель и на женщину. Молодой воин закатил глаза, но пошёл рядом, демонстративно лениво, будто охранять пленную монахиню, решившую помочь ребёнку, было самым унижительным поручением дня.

— Спасибо, — сказала Адель с такой горечью, что слово стало почти оскорблением.

Хальвард только смотрел.

Женщина с младенцем оказалась из деревни за монастырским полем. Её звали Изабо. Муж исчез во время набега; она не знала, убит он или бежал. Ребёнку было три месяца. От голода и страха молоко почти пропало, а сам младенец ослаб настолько, что даже плакал тихо. Адель попросила воды. Молодой северянин не понял. Она показала жестом чашу, потом на ребёнка. Тот раздражённо вздохнул, но принёс деревянную миску. Вода была некипячёная, из реки, но выбирать не приходилось. Адель смочила край ткани и осторожно провела по губам младенца, не давая ему захлебнуться.

— Не сразу, — сказала она Изабо. — Понемногу. Согрей его под плащом. Тебе тоже нужно есть.

— Я не могу.

— Сможешь. Ради него.

Изабо кивнула, хотя вряд ли услышала смысл. Адель вернулась к своему месту под взглядом молодого воина. Тот уже не смеялся. Когда она села рядом с Констанцией, он задержался, будто хотел что-то сказать, потом махнул рукой и ушёл.

Ночь опустилась быстро.

У северян не было монастырского расписания, где каждый час имел имя, молитву и назначение. Их лагерь жил иначе: вокруг костров, оружия, еды, дозорных и усталых тел. Кто-то смеялся громко и слишком долго, опрокидывая в себя питье из кожаного меха. Кто-то спорил из-за доли добычи. Кто-то молча сидел в стороне, прижимая к груди окровавленную ткань. Один воин, совсем молодой, почти мальчик, плакал, отвернувшись к реке. Рядом с ним лежало тело, накрытое плащом. Старший мужчина сидел возле мёртвого и медленно проводил пальцами по краю его волос, как мать приглаживает ребёнка перед сном. Никто не смеялся над ними.

Адель смотрела, хотя хотела отвернуться.

— Не смотри так, — сказала Констанция.

— Как?

— Будто ищешь разрешение ненавидеть их.

Адель резко повернулась.

— Разве мне нужно разрешение?

— Нет.

— Они убили наших людей. Сожгли часовню. Увели нас на корабли. Или я должна умиляться, что один из них умеет плакать над братом?

Констанция устало прикрыла глаза.

— Нет. Не должна.

— Тогда почему ты это сказала?

Сестра долго молчала. Огонь освещал её лицо снизу, подчёркивая морщины, которых утром, кажется, было меньше.

— Потому что ненавидеть чудовище легко. Ненавидеть человека труднее. Но иногда честнее.

Адель хотела возразить, но слова застряли. Она снова посмотрела на северянина у накрытого тела. Его плечи вздрагивали. Другой мужчина подошёл к нему, опустился рядом и поставил перед ним чашу. Не сказал ничего. Просто остался.

Человек, способный оплакивать брата, утром мог убить чужого брата.

Мир не стал милосерднее от этой мысли. Он стал хуже.

Позже пленных снова разделили. Женщин оставили у ближнего костра, мужчин увели чуть дальше. Адель позволили остаться рядом с Констанцией и Мартеном, видимо потому, что Хальвард сказал что-то дозорным. Сам он расположился на расстоянии нескольких шагов, у корня старого дерева. Положил рядом щит, меч и топор, сел, вытянув раненую ногу, и начал разматывать повязку на предплечье. Только тогда Адель заметила, что его тоже задело в монастыре. Не сильно: неглубокий порез, уже подсохший по краям. Он промыл его водой, поморщился, но перевязывать стал небрежно.

— Плохо делает, — тихо сказала Констанция.

Адель отвернулась.

— Пусть.

— Грязная ткань.

— Пусть.

Констанция ничего не ответила. Молчание оказалось хуже упрёка.

— Он не умрёт от этого, — сказала Адель.

— Вероятно, нет.

— А если умрёт, мир не станет беднее.

Сестра посмотрела на неё так, что Адель сама услышала жестокость собственных слов. Она стиснула зубы. Да, жестокость. Сегодня она имела на неё право. Сегодня весь мир говорил языком жестокости. Почему только от неё требовалось сохранять чистоту?

Хальвард всё-таки закончил с повязкой, затянул узел зубами и откинулся к дереву. Глаза его некоторое время оставались открытыми. Он смотрел не на Адель, а на огонь. Потом кто-то позвал его из темноты. Он поднялся, взял топор и ушёл к дальним кострам.

Адель не заметила, как задремала.

Сон не был настоящим. Её выталкивало из него каждые несколько мгновений: треск ветки, чужой голос, плеск воды, кашель ребёнка, шаги дозорного. Она сидела, прислонившись спиной к стволу, и то проваливалась в темноту, то открывала глаза, не сразу понимая, где находится. Несколько раз ей казалось, что она снова в монастыре и вот-вот услышит колокол. Но вместо колокола звучала северная речь, вместо холодного каменного пола под ногами была влажная земля, вместо запаха воска — дым костра и мокрая шерсть плаща Хальварда.

Крик разбудил её окончательно.

Он был не громким, скорее хриплым, оборванным, но в нём звучала такая боль, что Адель сразу села прямо. У дальнего костра началась суета. Двое северян склонились над человеком, лежавшим на земле. Третий держал факел. Кто-то звал имя. Затем раздалась быстрая, злая речь, и один из воинов побежал к дереву, где раньше сидел Хальвард.

— Что там? — прошептал Мартен.

Адель уже смотрела.

Раненого она видела днём на корабле. Это был мужчина с тяжёлой повязкой под рёбрами. Ему помогали сойти на берег, и тогда Адель заметила, что повязка наложена плохо: слишком высоко, с перекошенным узлом, ткань напиталась кровью ещё до стоянки. Она подумала об

этом и тут же запретила себе думать дальше. Он был одним из тех, кто пришёл к монастырю с оружием. Одним из тех, кто вёз добычу. Если его рана откроется, это не её дело.

Теперь рана открылась.

Даже с расстояния Адель видела тёмное пятно, расплывшееся по боку. Мужчина пытался подняться, но его удерживали. Голова моталась. Рот открывался, лоя воздух. Один из северян прижимал к ране ткань, но делал это неправильно — то слишком слабо, то резко отдёргивал руку, пугаясь крови. Другой пытался напоить раненого из меха. Адель резко вдохнула.

— Не надо, — сказала она.

Констанция повернулась к ней.

— Что?

— Его нельзя поить сейчас. Он захлебнётся или его вырвет.

Сестра Констанция посмотрела туда, потом снова на Адель.

— Ты знаешь, что делать?

— Прижать рану. Найти место, откуда идёт кровь. Перевязать ту же. Возможно, зашить, если не поздно.

— Тогда скажи им.

Адель замерла.

У дальнего костра появился Хальвард. Он шёл быстро. Его лицо было жёстким, но не испуганным. Он опустился на одно колено рядом с раненым, оттолкнул воина с мехом, поднял край повязки и выругался на своём языке. Кровь блеснула в свете факела. Раненый хрипло застонал.

Адель сжала пальцы в кулак.

Перед глазами встал Пьер у ворот. Его живот, разорванный копьём. Его бессмысленно удивлённое лицо. «Мои сыновья», — сказал он. А потом умер у неё под руками. Никто из северян не опустился рядом с ним. Никто не пытался удержать его жизнь. Почему теперь она должна идти к одному из них?

Потому что умеет.

Потому что человек умирает.

Потому что однажды она поклялась служить милосердию, даже если сама не до конца понимала, какую жизнь выбирает вместе с этим словом.

Адель ненавидела этот ответ.

Она поднялась.

Один из дозорных сразу шагнул к ней, преграждая путь. Адель указала на раненого.

— Я могу помочь.

Он не понял и толкнул её обратно к дереву.

— Я могу помочь! — повторила Адель громче.

Несколько северян обернулись. Хальвард поднял голову.

Адель шагнула вперёд, уже обращаясь к нему:

— Кровь. Он теряет кровь. Если будете так держать, он умрёт.

Хальвард смотрел, пытаясь разобрать слова. Она показала на раненого, потом прижала ладонь к собственному боку, затем с силой нажала другой рукой.

— Давить. Здесь. Сильно. Не давать пить. Нужна чистая ткань. Игла. Огонь. Вода.

Он понял не всё, но понял достаточно, чтобы подняться.

Торстейн, сидевший у соседнего костра, рассмеялся и что-то сказал. Несколько мужчин тоже заговорили. В их голосах было возмущение: пленная женщина, христианка, монастырская мышь, будет трогать северного воина? Или, возможно, они боялись, что она убьёт его намеренно. Адель и сама знала, что им следовало бояться.

Хальвард произнёс короткую фразу.

Споры не стихли.

Тогда он повернулся к ним полностью. Голос его остался негромким, но слова падали тяжело, как камни. Один за другим мужчины замолкли. Торстейн усмехнулся, однако отвёл взгляд. Хальвард кивнул дозорному, стоявшему перед Адель.

Тот неохотно отступил.

Адель пошла к раненому. Каждый шаг давался трудно. Она чувствовала взгляды на спине: враждебные, недоверчивые, насмешливые. Пленные тоже смотрели. Констанция не остановила её, но Адель знала: сестра молится. Возможно, за раненого. Возможно, за неё. Возможно, чтобы милосердие не превратилось в новую цепь.

Раненый был бледен до серости. Светлые волосы прилипли ко лбу. На шее вздулась жила. Повязка сбилась, и из-под неё толчками выступала кровь. Плохо. Очень плохо. Но не безнадежно, если источник кровотечения не слишком глубоко.

— Уберите руки, — сказала Адель.

Северянин, прижимавший ткань, не понял.

Она сама схватила его за запястье и отодвинула. Тот возмутился, но Хальвард что-то бросил ему, и мужчина отступил. Адель опустилась на колени. Земля была холодной и влажной. Запах крови ударил в нос — горячий, железный, слишком знакомый после этого дня.

Она подняла край повязки.

Раненый вскрикнул и попытался выгнуться. Хальвард прижал его плечи к земле. Другой воин удержал ноги.

— Не так, — сказала Адель. — Не ломайте его. Держите ровно.

Она не знала, понял ли Хальвард слова, но он изменил хватку. Раненый перестал дёргаться так сильно, только хрипел сквозь зубы.

Рана была рваной, чуть ниже рёбер, вероятно от копья или длинного ножа. Кровь шла не из самой глубины живота, что было милостью, но один край рассёк сосуд. Адель сняла старую ткань, свернула чистую полосу, которую ей сунула Констанция — она подошла неслышно, хотя Адель не заметила, как ей позволили приблизиться, — и сильно прижала к нужному месту.

Раненый застонал.

— Держи, — сказала она Хальварду и положила его руку поверх своей. — Здесь. Сильно. Не отпускай.

Он накрыл её пальцы своей ладонью. На мгновение Адель ощутила тепло его кожи и едва не отдернула руку. Но кровь шла под тканью, и отвращение к прикосновению пришлось отложить. Она направила его давление, проверила край раны и обернулась к Констанции:

— Игла есть?

— У меня была костяная. В мешке.

— Мешок?

Констанция посмотрела на северян.

Адель резко повернулась к Хальварду:

— Мой мешок. Лекарские вещи. В монастыре. Или на корабле. Травы, игла, нитки. Понимаешь? Мешок.

Она показала руками размер. Хальвард сказал что-то молодому воину с белёсыми волосами. Тот побежал к кораблям.

— Вода нужна кипячёная, — сказала Адель. — Горячая. Чистая ткань. Огонь.

Северяне понимали жесты быстрее слов. Кто-то принёс котелок. Кто-то кинул в огонь сухие ветки. Торстейн сидел в стороне и смотрел, как будто ему было неприятно не само лечение, а то, что пленница командует мужчинами и те повинуются.

Адель не смотрела на него.

Сейчас весь мир сузился до раны, крови и тяжёлой руки Хальварда, удерживающей давление там, где она велела. Констанция рядом разрывала ткань на полосы. Мартен, бледный как

полотно, держал чашу с водой и старался не расплескать. Молодой воин вернулся с мешком Адель. Видимо, кто-то всё же забрал его из странноприимного дома вместе с добычей. Внутри оказались сушёный тысячелистник, льняные нитки, костяная игла, маленький нож и мешочек с солью.

— Слава Богу, — прошептала Констанция.

Адель достала иглу и поднесла к огню.

Один из северян заговорил возмущённо, решив, что она собирается жечь раненого или совершать колдовство. Хальвард рывкнул на него так резко, что тот отступил.

— Огонь очищает, — сказала Адель, хотя не знала, для кого объясняет: для них, для себя или для Бога, который видел, как она пытается спасти человека, пришедшего разорять Его дом. — Грязь убивает не хуже стали.

Игла раскалилась. Адель дала ей остыть, промыла руки горячей водой так хорошо, как могла в этих условиях, посыпала край ткани солью и подготовила нить. Рана всё ещё кровила, но уже меньше. Хальвард держал точно там, где надо, не ослабляя давления. Он смотрел не на кровь и не на лицо раненого, а на руки Адель.

— Сейчас будет больно, — сказала она раненому, хотя тот не понимал.

Он, кажется, понял по её голосу.

Первые стежки дались тяжело. Раненый закричал, выгнулся, и двое мужчин едва удержали его. Адель продолжала. Её руки дрожали, но не останавливались. Констанция вытирала кровь. Хальвард менял давление по её указанию. Кто-то из северян отвернулся. Кто-то, наоборот, смотрел с жадным ужасом. Над рекой поднимался туман. Огонь трещал. Где-то в темноте плакал младенец.

Когда Адель закончила, у неё болела спина, а пальцы почти не сгибались. Повязку пришлось накладывать туго, в несколько слоёв. Она добавила измельчённый тысячелистник, хотя знала, что одной травой чудес не делают. Раненый уже не кричал. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, но грудь поднималась. Слабо, неровно, однако поднималась.

— Жить будет? — спросил Хальвард.

Фраза была короткой, но понятной.

Адель вытерла руки о мокрую ткань. Кровь всё равно осталась под ногтями.

— Если кровотечение не откроется снова. Если не будет жара. Если он не станет глупо пить и дёргаться. Если Бог захочет.

Хальвард понял только часть.

— Жить? — повторил он.

Адель посмотрела на раненого.

— Может быть.

Для северян, кажется, этого оказалось достаточно. Кто-то облегчённо выдохнул. Молодой воин с белёсыми волосами сказал что-то и коснулся плеча лежащего мужчины. Седовисый кормчий, до этого молчавший, подошёл к Адель и протянул ей чашу. Она решила, что там вода, и взяла. Жидкость обожгла горло — кислое питьё, крепче вина, к которому она привыкла. Адель закашлялась, и несколько северян рассмеялись. На этот раз смех не был злым. Но от этого ей стало ещё тяжелее.

Она вернула чашу.

Хальвард произнёс что-то седовисому. Тот кивнул, затем посмотрел на Адель уже иначе. Не мягко. Не благодарно даже. Но с признанием пользы.

Пользы.

Вот чем она стала теперь. Не только добычей Волка. Не только монахиней с крестом. Руками, которые умеют удерживать жизнь.

Хальвард подошёл ближе.

— Ты лечишь, — сказал он.

— Я училась.

— Хорошо лечишь.

— Сегодня утром я не смогла спасти Пьера.

Он не понял имени, но понял боль. Или сделал вид, что понял.

— Этот жив.

— Пока.

— Пока, — повторил он.

Слово, сказанное им в овраге, вернулось между ними и изменило оттенок. Тогда оно означало её положение: добыча пока. Теперь — жизнь раненого: жив пока. Всё у этих людей, у всех людей, держалось на этом коротком хрупком слове. Пока стоит стена. Пока не ломаются ворота. Пока хватает крови в теле. Пока рука не отпустила крест.

Адель поднялась. Колени подогнулись, и она едва не упала. Хальвард протянул руку, но она удержалась сама.

— Не трогай.

Он остановил ладонь в воздухе и опустил.

— Иди спать, Адель.

Имя прозвучало тихо. Непривычно. Не как приказ к вещи.

Она не ответила и вернулась к пленникам. Констанция села рядом, не задавая вопросов. Мартен смотрел на Адель огромными глазами, в которых страх смешался с чем-то новым — не надеждой ещё, но слабым пониманием, что даже среди врагов у неё есть сила, которую не отняли ни огонь, ни верёвка, ни корабль.

Адель опустилась на землю и наконец позволила рукам задрожать.

Она спасла северянина.

Эта правда была тяжёлой, как камень на груди. Часть её хотела оправдаться: она сделала это не ради него, а потому что иначе не могла; не ради Хальварда, а ради собственного обета; не ради викингов, а ради той женщины в себе, которая ещё не согласилась жить по законам резни. Но другая часть молчала. Потому что, когда кровь била из раны, перед ней лежал уже не северянин, не грабитель, не язычник. Лежал человек, умирающий от потери крови. И её руки сами нашли, где нажать.

У дальнего костра Хальвард сел рядом с раненым. Не лёг спать, хотя день был долгим. Время от времени он проверял повязку так, как показала Адель: осторожно, не срывая ткань. Торстейн наблюдал за ним из темноты, и в его взгляде медленно зрело что-то недоброе.

Адель видела это сквозь усталость.

Она понимала: ночь не сделала её свободнее. Спасённая жизнь не вернула монастырь. Северяне не стали её друзьями, потому что один из них плакал по брату, другой делил хлеб, а третий позволил ей лечить. Но простая ненависть, которой она хотела укрыться, как стеной, больше не смыкалась без щелей.

И в эти щели входил холодный речной ветер.

Адель легла на бок, прижав крест к губам. Металл пах кровью — чужой и её собственной, потому что острый край снова врезался в ладонь. Она молилась без слов. Слова закончились ещё днём, у горящей часовни. Осталось только молчаливое, упрямое обращение к Тому, Кому, как её учили, видит и жертву, и убийцу, и пленницу, и человека, который считает её добычей, но почему-то уже второй раз останавливается, когда она говорит: «не трогай».

Перед самым сном Адель услышала голос Хальварда.

Он говорил с седовисым кормчим у дальнего костра. В северной речи она различила только два знакомых слова.

— Адель.

И после паузы:

— Ульв.

Кормчий что-то ответил, низко и серьёзно. Хальвард не засмеялся.

Адель закрыла глаза.

На корабле язычников, среди людей, которых она должна была ненавидеть без остатка, начиналась новая, страшная часть её жизни. И самое пугающее было не в том, что она могла не пережить её.

А в том, что могла пережить — и измениться.

Глава 5. Женщина, которая спорит

Утром раненый всё ещё был жив.

Адель поняла это ещё до того, как открыла глаза окончательно. Где-то справа от неё, за костром, слышалось тяжёлое, неровное дыхание человека, который провёл ночь у самой границы смерти и всё ещё не решил, возвращаться ли назад. В монастыре она научилась различать такие звуки. Одни больные спали глубоко, будто тело наконец получало краткую милость. Другие бредили, шептали, звали матерей, жён или святых, которых боялись забыть в последний миг. Третьи молчали так страшно, что рядом с ними даже скрип пола казался кощунством. Этот северянин дышал хрипло, с усилием, иногда будто проваливаясь в пустоту между вдохами, но после каждой паузы грудь всё-таки снова поднималась.

Значит, кровь не открылась заново. Пока.

Адель лежала на боку, поджав ноги, и несколько мгновений не двигалась. Земля под ней была жёсткой и холодной, несмотря на подложенный под плечо свёрнутый плащ. Шерсть впитала дым, сырость и запах чужих костров. После ночи всё тело болело: колени после падения в овраге, плечи после того, как её несли через двор, запястья в местах, где верёвка стёрла кожу. На ладони, там, где она всю ночь сжимала крест, остался красный след. Маленький край металла врезался так глубоко, что на коже проступила тонкая засохшая полоска крови.

Над рекой стелился туман. Не такой густой, как утром, когда из него выходили драккары, а лёгкий, низкий, будто вода всю ночь дышала в холодный воздух и теперь не хотела отдавать ему своё тепло. Северяне уже проснулись. Часть стоянки жила с рассветной деловитостью людей, привыкших не задерживаться на одном месте: кто-то проверял вёсла, кто-то складывал мешки с добычей ближе к берегу, кто-то спорил из-за лошади, привязанной к дереву. Один воин сидел у воды и брил ножом щёку, глядя на своё отражение в миске. Другой, совсем молодой, пытался починить ремень на щите и ругался так выразительно, что смысл не нуждался в переводе.

Всё это казалось почти обычной жизнью.

И именно эта обычность резала.

Адель села. Констанция спала рядом, прислонившись спиной к дереву. Лицо сестры было измученным, губы пересохли, руки лежали на коленях ладонями вверх, словно она уснула посреди молитвы и молитва, не найдя слов, осталась в положении пальцев. Мартен свернулся клубком у её ног и во сне всё ещё сжимал край своего рукава. Чуть дальше Изабо укачивала младенца. Ребёнок не плакал, но и это не было хорошим знаком: слишком тихий младенец всегда тревожил Адель сильнее, чем кричащий.

У дальнего костра сидел Хальвард.

Он не спал, хотя, возможно, и не ложился вовсе. Раненый лежал рядом, укрытый грубой шкурой. Возле него стояла деревянная чаша, полосы ткани, миска с водой и нож. Повязка на боку потемнела, но не промокла насквозь. Хальвард заметил, что Адель смотрит, и поднялся. Вместо того чтобы позвать её, он подошёл сам, остановившись на расстоянии нескольких шагов.

— Он жив, — сказал Хальвард на языке франков.

Слова прозвучали почти правильно. То ли он знал их раньше, то ли успел запомнить за ночь.

Адель посмотрела на него снизу вверх.

— Пока.

Хальвард кивнул, будто это слово уже стало частью их общего, неприятного и необходимого языка. Он указал на раненого:

— Смотреть.

Это не было просьбой. Скорее распоряжением. Адель почувствовала, как внутри поднимается мгновенное сопротивление. Ей захотелось ответить, что она не его лекарка, не рабыня при больных, не вещь, которую можно передвигать между костром и раненым по мере надобности. Но потом раненый снова хрипло вдохнул, и всё возмущение, не исчезая, отступило на второй план. Тело, из которого могла уйти жизнь, не виновато в том, что его спасительница ненавидит его народ. Или виновато. Или это вообще не тот вопрос, который можно задавать возле раны.

Адель поднялась.

— Вода кипела?

Хальвард нахмурился.

— Вода?

Она показала на котелок и на огонь.

— Горячая вода. Я говорила ночью.

— Была.

— Сейчас нужна снова.

Он оглянулся и сказал что-то одному из воинов. Тот недовольно ответил, но всё же поднялся и пошёл к реке с котелком.

Адель подошла к раненому. Северяне у соседних костров следили за ней без прежнего открытого смеха. Теперь в их взглядах появилось иное: не уважение, нет, до него было далеко, но настороженное признание того, что эта пленная женщина умеет делать с кровью то, чего они не умеют. От этого Адель не стало легче. Она не хотела занимать место полезной вещи среди людей, которые ещё вчера разорили её дом. Полезная вещь лучше бесполезной только в руках хозяина, а хозяин у неё по-прежнему был.

Раненый открыл глаза, когда она опустилась рядом. Радужка у него была светло-серая, почти бесцветная. Он посмотрел на неё мутно, с трудом удерживая взгляд. Губы шевельнулись.

— Не говори, — сказала Адель, хотя он не понимал. — Если хочешь жить, молчи и не двигайся.

Она осторожно убрала край шкуры. Повязка держалась. Ночь не уничтожила её работу. Это было малое, почти унижительное облегчение: радоваться тому, что спасённый враг ещё не умер. Адель промыла руки, дождалась горячей воды, велела Констанции, уже проснувшейся и подошедшей без лишних вопросов, подать чистую ткань. Они работали рядом почти как в монастырском странноприимном доме, только вместо каменных стен вокруг стояли вооружённые северяне, вместо запаха сушёной мяты и воска — дым, пот и река, а вместо распятия над лежанкой у раненого на шее висел маленький молот.

— Жар будет? — спросила Констанция тихо на франкском.

— Может быть. Рана грязная. Но если не трогать, если менять ткань, если он не начнёт пить их кислое пойло, есть шанс.

— Ты говоришь так, будто сердись на него за этот шанс.

Адель не ответила сразу. Она проверяла края раны и видела, что стежки держатся. Раненый застонал, но не дёрнулся. Хальвард, сидевший по другую сторону, положил руку ему на плечо. На этот раз удерживал не грубо, а предупреждающе, как человек, который уже понял: слишком сильное давление может навредить не меньше слабости.

— Я сержусь на себя, — сказала Адель наконец.

— За то, что спасла?

— За то, что не смогла не спасти.

Констанция подняла на неё глаза. В них не было ни упрёка, ни умиления. Только усталое понимание человека, который много лет видел, как милосердие редко приходит в удобное время и почти никогда не спрашивает, нравится ли нам тот, кому оно требуется.

— Это не самый худший грех, дитя.

— А если из-за него потом умрёт кто-то ещё? Если он поднимется, снова возьмёт меч и убьёт человека, которого я могла бы не сделать его жертвой?

— Тогда это будет его грех.

— А мои руки?

— Твои руки сейчас не держат меч.

Адель затянула свежую повязку чуть крепче и отстранилась. Ответ Констанции был простым, правильным, монастырским. И всё же в нём оставалось место для боли. Руки, не державшие меч, могли вернуть мечу силу. Она знала это и не могла разнать.

Хальвард наблюдал за ними, не понимая слов, но улавливая напряжение. Когда Адель закончила, он указал на раненого:

— Жить?

— У него меньше крови, чем должно быть. Пусть лежит. Пусть пьёт воду, не ваше питьё. Мало, часто. Если начнётся жар — скажете мне.

Он перевёл не всё, но запомнил жесты. Адель показала: вода, маленький глоток, ждать, снова вода. Хальвард повторил движение и что-то сказал седовисому кормчему, который подошёл с деревянной миской. Тот кивнул. Раненого, видимо, звали Асгейр: это имя несколько раз прозвучало у костра. Адель невольно сохранила его в памяти, хотя не хотела знать.

Имя делало человека тяжелее для ненависти.

Когда она попыталась вернуться к пленным, Хальвард не отошёл. Он встал между ней и деревом, где сидели остальные, но не как страж, преграждающий путь. Скорее как человек, решивший говорить прежде, чем она снова спрячется за молчанием и чужими молитвами.

— Ты лечишь моих людей, — сказал он.

Адель устало посмотрела на него.

— Одного.

— Одного. Потом другого. Если надо.

— Я не соглашалась.

Хальвард нахмурился. Он понял короткую фразу.

— согласишься.

— Ты так решил?

Он помолчал, подбирая слова. Разговор на языке франков раздражал его. Это было видно по тому, как он чуть сильнее сжимал челюсть, когда не находил нужного слова, и как переходил на жесты, если фраза оказывалась слишком сложной. Но он не звал переводчика, хотя среди северян наверняка были люди, лучше знавшие местную речь. Возможно, потому что не хотел свидетелей. Возможно, потому что считал этот разговор своим правом, как считал своим всё, что взял.

— Мои люди, — сказал он наконец, указывая на стоянку. — Раны. Кровь. Болезнь. Ты знаешь. Ты делаешь. Они не трогают тебя.

Адель поняла не сразу. Потом смысл сложился. Она даже усмехнулась — тихо, без радости.

— Сделка?

Хальвард кивнул, уловив знакомое торговое слово.

— Сделка.

— Я лечу твоих людей, а ты не позволяешь им насиловать меня?

Он понял не все слова. Но некоторые — достаточно. Лицо его стало жёстче.

— Никто не трогает, — сказал он медленно. — Без твоего... — он поискал слово, раздражённо посмотрел в сторону, потом вспомнил: — Согласия.

От этого последнего слова стало холодно.

Согласие. В его устах оно звучало грубо, чуждо, но всё же было произнесено. Возможно, он не до конца понимал, насколько важен смысл, который берёт в рот. Возможно, для него

это был всего лишь удобный знак: пленница не кричит, не кусается, не пытается ударить камнем. Но Адель услышала за этим то, чего не ожидала услышать от северянина у разорённого монастыря.

И всё равно ответ её оказался резким:

— Как щедро.

Хальвард прищурился.

— Что?

— Ты предлагаешь мне благодарить тебя за то, что ты запретишь своим товарищам делать со мной то, чего ни один человек не имеет права делать.

Он молчал. Сложная фраза прошла мимо, но интонация достигла цели.

— Ты жива, — сказал он. — Не быют. Не Торстейн. Мой плащ. Еда. Вода.

Адель смотрела на него, и в груди у неё поднималось нечто большее, чем страх или ненависть. Горький, яростный смех почти душил.

— Ты перечисляешь это как добрые дела?

Хальвард не ответил.

— Ты забрал меня из монастыря, — продолжила она, уже не заботясь, сколько он поймёт. — Твои люди убили тех, кто открыл ворота беженцам. Твои люди сожгли наш дом. Ты объявил меня добычей перед ними, чтобы никто другой не спорил с тобой за право распоряжаться мной. И теперь предлагаешь мне защиту? От кого? От людей, с которыми пришёл?

Он уловил достаточно, чтобы взгляд его стал холодным.

— Война.

— Нет, — сказала Адель. — Не прячься за это слово. Война — это когда два войска выходят друг против друга. А вы пришли к монастырю.

— Монастырь — богатый.

— Там были женщины, старики и дети.

— Там было серебро. Еда. Люди. Река — путь. Мы берём.

Простота ответа была чудовищной. В ней не было оправдания, и оттого спорить становилось ещё труднее. Он не говорил, что пришёл ради высшей справедливости. Не ссылаясь на месть, долг, короля или Бога. Не пытался назвать убийство необходимостью. Река — путь. Богатство — добыча. Слабые — теряют. Сильные — держат. Его мир стоял на коротких досках, скреплённых железом, как драккар: узкий, ясный, рассчитанный на движение вперёд.

— Тогда почему ты не взял меня так же? — спросила Адель тихо.

Хальвард замолчал.

Вопрос остановил его вернее крика. На лице северянина впервые появилось не раздражение, а настороженность человека, которому указали на трещину в собственном законе. Если сила даёт право, если добыча существует для того, кто сумел её удержать, если монастырь богат — его можно разграбить, если пленница слаба — её можно взять. Почему же он ударил Торстейна? Почему не позволил? Почему теперь, вместо того чтобы приказать, стоит перед ней и трудится над чужим языком, предлагая сделку?

Адель видела, что он сам не хочет отвечать.

— Торстейн — собака, — сказал он наконец.

— А ты?

Седовисый кормчий, стоявший неподалёку, резко повернул голову. Он не понял франкских слов, но, видимо, услышал тон. Молодой воин с белёсыми волосами тихо присвистнул и тут же сделал вид, что занят ремнём. Торстейн у дальнего костра не слышал разговора, но смотрел в их сторону с тёмным вниманием.

Хальвард сделал шаг ближе.

Адель заставила себя не отступить.

Он был выше её почти на голову, шире в плечах, вооружён, окружён своими людьми. Достаточно было одного движения — и весь спор закончился бы. Она знала это. Тело знало лучше разума: пальцы похолодели, дыхание стало коротким, сердце ударило в горло. Но что-то внутри отказывалось отдавать ему ещё и это: право заставить её замолчать только тем, что он сильнее.

— Я не Торстейн, — сказал Хальвард.

— Докажи.

Слово вырвалось прежде, чем она успела подумать, насколько опасно оно звучит. Хальвард понял. Очень хорошо понял. Его глаза сузились. На мгновение Адель показалось, что он всё-таки схватит её, тряхнёт, прикажет связать, бросить на корабль, закрыть рот куском ткани. Возможно, так было бы привычнее для всех. Для его людей — потому что пленница не должна спорить. Для неё — потому что враг, применяющий силу, остаётся простым врагом. Для самого Хальварда — потому что волку не нужно слушать женщину с крестом.

Но он не схватил её.

Это бездействие оказалось напряжённее удара.

Хальвард отвернулся первым. Не отступил, нет. Просто повернул голову к реке, провёл ладонью по бороде, будто стирая с лица раздражение, и коротко сказал что-то седовисому кормчему. Тот ответил. Между ними произошёл быстрый обмен фразами. Адель не понимала слов, но чувствовала, что предметом разговора стала она. Кормчий посмотрел на неё уже без прежнего равнодушия. Потом пожал плечами, как человек, признающий чужое право на глупость, если эта глупость не тонет вместе с кораблём.

Хальвард снова повернулся к Адель.

— Сделка, — повторил он.

— Я уже слышала.

— Ты лечишь. Моих людей. Пленных тоже, если я скажу.

— Если ты скажешь?

— Если могу. Если время. Если нет боя.

— То есть даже милость пленным будет зависеть от твоего разрешения?

Он устало выдохнул.

— Здесь всё зависит от силы. Ты это знаешь.

— Я знаю, что ты в это веришь.

— Нет. Это есть.

— Нет, Хальвард. Это то, как ты привык жить.

Он нахмурился. Возможно, фраза была слишком сложной, но имя в её устах удержало его внимание. Имя снова меняло расстояние. Она не называла его Волком. Не говорила «северянин», «язычник», «грабитель». Она произнесла «Хальвард», и он почему-то слушал дольше, чем должен был.

— Условия, — сказала Адель медленно. — Если ты хочешь сделку, будут условия.

На этот раз он понял не сразу. Но слово «условия» оказалось близко к торговой речи; возможно, ему приходилось слышать его у купцов. Он кивнул, настороженно.

— Говори.

Адель выпрямилась.

— Я лечу тех, кого могу лечить. Не только твоих людей. Если среди пленных будет раненый или больной, ты позволяешь мне помочь.

— Если можно.

— Нет. Если нужно.

Он прищурился.

— Ты споришь много.

— Привыкай.

Молодой воин с белёсыми волосами снова тихо присвистнул. Хальвард даже не посмотрел в его сторону, но тот мгновенно исчез за спинами других людей.

— Дальше, — сказал Хальвард.

Адель на мгновение растерялась. Она ожидала отказа, угрозы, насмешки. Но он слушал. Не соглашался полностью, но слушал. Это само по себе было странно и опасно, потому что заставляло её искать точные слова вместо простой ненависти.

— Мой мешок с травами остаётся при мне.

— Нет.

— Тогда лечи своих людей сам.

Хальвард посмотрел на неё так, будто перед ним снова оказалась дверь, которую хочется выбить, но пока непонятно, что находится за ней.

— Мешок может быть нож, яд.

— Там травы, игла, ткань, соль. Ты можешь смотреть. Но он должен быть рядом со мной. Если ночью снова откроется кровь, ты не успеешь искать мои вещи среди добычи.

Это он понял. Практическая польза дошла быстрее нравственных доводов. Хальвард кивнул после паузы.

— Мешок рядом. Но смотрят.

— Пусть смотрят.

— Дальше.

Адель сжала руки. Следующее условие было важнее, и потому сказать его оказалось труднее.

— Меня не связывают без причины.

— Ты бежала.

— Да. И буду бежать, если решу, что оставаться хуже смерти.

В глазах Хальварда мелькнула злость.

— Тогда связать — причина.

— Если ты хочешь лекарку, связанными руками я бесполезна. Если хочешь добычу — не притворяйся, что предлагаешь сделку.

Он сделал шаг в сторону, прошёлся вдоль костра и вернулся. Адель видела, что он борется не с ней одной. С собственным раздражением. С привычкой. С вниманием людей, которые уже замечали слишком многое. В его мире мужчина не должен был так долго обсуждать условия с пленной женщиной. Особенно при свидетелях. Особенно после того, как она бежала. Особенно после того, как назвала его не лучше Торстейна.

— Ночью рядом мой человек, — сказал он наконец. — Днём ты под взглядом. Не бежишь.

— Я не обещаю не бежать.

— Тогда я не обещаю не связать.

Они смотрели друг на друга несколько мгновений.

Адель первой отвела глаза, но не из покорности. Она думала. Сделка, даже ненавистная, требовала различать возможное и невозможное. Он не отпустит её. Не сейчас. Не после одного спора и спасённого воина. Просить полной свободы — всё равно что требовать, чтобы река потекла вспять. Но можно было отвоевать шаг. Потом ещё один.

— Если я не пытаюсь бежать, ты не связываешь меня на корабле и у костра.

Хальвард обдумал.

— Да.

— И никто не касается меня без моего согласия. Не только так, как Торстейн. Вообще. Не хватать. Не тащить. Не поднимать на плечо, как мешок.

Последние слова она произнесла с особой ясностью.

Хальвард понял. Его лицо на миг стало почти непроницаемым.

— Если опасность? — спросил он.

— Если мне грозит смерть, можешь тащить. Если тебе просто надоело ждать — нет.

Седовисый кормчий вдруг кашлянул, пряча смешок. Хальвард медленно повернул голову. Кормчий тут же сделал вид, что смотрит на реку. Адель неожиданно поняла, что в иной жизни, при иных обстоятельствах, эта сцена могла бы быть почти смешной: северный воин с прозвищем Волк, пленная монахиня, обсуждающая право не быть поднятой на плечо без крайней необходимости, и старый моряк, который явно наслаждается редким зрелищем.

Но другой жизни не было.

— Хорошо, — сказал Хальвард.

Адель не сразу поверила.

— Хорошо?

— Если опасность — беру. Если нет — говорю.

— Не приказываешь?

— Говорю, — повторил он, и по его лицу было видно, что само различие кажется ему излишним, но он запомнил, что для неё оно существует.

Адель вдохнула медленно.

— И последнее. Ты не называешь меня добычей.

Хальвард замер.

Вот это оказалось для него самым трудным. Не мешок с травами. Не свободные руки. Не защита от чужих прикосновений. Слово. Потому что слово закрепляло порядок. Если она добыча, всё ясно: его люди понимают, кто имеет право, кто не имеет, где граница. Если она не добыча, то кто она? Пленница? Лекарка? Чужая христианка под его защитой? Все эти определения были неустойчивыми. В них оставалось слишком много места для споров.

— Они должны знать, — сказал он.

— Пусть знают, что я под твоей защитой.

— Это то же.

— Нет.

— Для них — то же.

— Для меня — нет.

Хальвард посмотрел на неё с явным раздражением.

— Слова. Слова. Много слов.

— Да. У людей есть слова, чтобы не жить только ударами.

Он понял не всё, но достаточно, чтобы зло усмехнуться.

— Удары тоже говорят.

— Я заметила.

Молчание снова натянулось между ними. У дальнего костра Торстейн поднялся, будто ожидал, чем закончится спор. Ему, должно быть, нравилось видеть, как пленница толкает Хальварда к пределу терпения. Возможно, он надеялся, что Волк всё-таки сорвётся и докажет: никакой разницы между ними нет.

Адель тоже боялась этого.

И всё же стояла.

Хальвард медленно произнёс:

— Я говорю им: ты лечишь. Ты под моей рукой. Кто тронет — отвечает мне.

— Под твоей защитой.

— Под моей рукой, — упрямо повторил он.

— Защитой.

— Рукой.

— Хальвард.

Он резко выдохнул.

— Защитой.

Слово прозвучало грубо, почти как ругательство. Но прозвучало.

Адель кивнула.

— Тогда я буду лечить.

— Сделка.

— Сделка.

Он протянул ей руку.

Она посмотрела на эту руку. Большая ладонь, мозоли, царапины, короткие ногти, тёмная полоска засохшей крови у основания большого пальца. Рука, которая держала меч. Рука, которая ударила Торстейна. Рука, которая вчера перерезала верёвку. Рука, которая могла сломать ей запястье, если бы захотела. Прикоснуться к ней добровольно казалось почти невозможным. Но сделка требовала знака. И если Адель откажется сейчас, он, возможно, решит, что все её условия были пустой игрой.

Она подняла ладонь и коснулась его пальцев.

Не жала. Только коснулась.

Хальвард задержал руку на мгновение, будто хотел привычно заключить её пальцы в своей ладони, но вспомнил только что произнесённое условие. Он остановился прежде, чем прикосновение стало хваткой. Этот короткий остановленный жест Адель заметила. И возненавидела себя за то, что заметила.

— Имя раненого? — спросила она, отнимая руку.

— Асгейр.

— У него должен быть человек, который будет следить за повязкой, когда я не рядом.

Хальвард кивнул седовисому кормчему.

— Рагни. Он смотрит.

Седовисый поднял бровь, услышав своё имя, но спорить не стал. Адель повернулась к нему и начала показывать: вот так проверять повязку; если кровь идёт — звать; если жар — звать; если он пьёт что-то крепче воды — отнять. Рагни смотрел на неё с терпеливым выражением человека, который пережил достаточно зим, бурь и молодых вождей, чтобы не обижаться на командующий тон пленной монахини. Когда она закончила, он повторил жесты на удивление точно и сказал что-то короткое.

— Он говорит, ты сердитая маленькая игла, — перевёл Хальвард.

Адель не ожидала перевода и, против воли, посмотрела на Рагни. Тот невозмутимо кивнул, будто сделал ей достойный комплимент.

— Передай ему, что иглы держат ткань лучше, чем кулаки.

Хальвард задумался над фразой, явно не желая переводить. Потом всё же сказал что-то на своём языке. Рагни расхохотался. Несколько северян обернулись. Даже молодой воин с белёсыми волосами усмехнулся уже не прежней злой усмешкой, а почти мальчишески.

Адель не улыбнулась.

Она вернулась к Констанции и села рядом, чувствуя, как внутри всё дрожит от пережитого напряжения. Сестра внимательно посмотрела на неё.

— Ты заключила с ним соглашение?

— Да.

— О чём?

— Я лечу его людей. Он не позволяет им трогать меня. И даёт мне лечить наших, если сможет.

Констанция кивнула медленно.

— Хорошее соглашение.

— Ужасное соглашение.

— Почему?

Адель повернулась к ней почти зло.

— Потому что оно делает вид, будто он имеет право давать мне то, что и так должно принадлежать любому человеку.

— Да, — сказала Констанция. — Но пока это право удерживает он.

— Ты говоришь так спокойно.

— Я говорю как женщина, которая прожила достаточно, чтобы знать: иногда сначала приходится выпросить у мира малую справедливость, а потом уже напоминать ему о большой.

— Я не выпросила.

— Нет. Ты выгрызла.

Это слово из уст Констанции прозвучало так неожиданно, что Адель едва не рассмеялась. Смех не вышел. Горло снова сжалось. Она посмотрела на свои руки, на красные следы верёвки, на засохшую кровь под ногтями.

— Я не хочу быть полезной им.

— Ты полезна не им. Ты полезна жизни.

— Жизнь сейчас на их стороне.

— Сегодня — да.

Адель подняла глаза.

— А завтра?

Констанция не ответила. Может быть, потому что не знала. Может быть, потому что ответ был слишком страшен.

К полудню стоянку начали сворачивать. Асгейра перенесли на корабль осторожнее, чем вчера: Рагни лично следил, чтобы его не трясли. Адель позволили идти рядом, пока раненого укладывали между скамьями. Мешок с травами отдали ей, хотя молодой воин предварительно высыпал часть содержимого на плащ и с подозрением обнюхал каждый свёрток. Констанцию посадили на другой корабль, но ближе, чем прежде; Адель могла видеть её через несколько бортов, когда драккары выстраивались у берега. Мартена оставили рядом с Адель. Изабо с младенцем тоже перевели на корабль Хальварда после короткого разговора, который, судя по раздражению на лице Торстейна, произошёл не без спора.

Это были мелочи. Никакая из них не отменяла плена.

Но каждая означала, что утром Адель смогла сдвинуть что-то, пусть на ширину пальца.

Когда драккар отошёл от берега, Хальвард сел неподалёку, как и вчера, но теперь между ними лежал не только его щит. Там стоял её мешок с травами. Маленький, грязный, спасённый из разграбленного странноприимного дома. Собственность, которая снова оказалась при ней не потому, что ей её вернули по праву, а потому, что она доказала пользу. Несправедливое возвращение. И всё же возвращение.

Асгейр дремал, бледный, с каплями пота на лбу. Адель проверила его повязку и заставила Рагни дать ему несколько глотков воды. Изабо укачивала младенца, и ребёнок наконец чуть сильнее вцепился в грудь. Мартен молча смотрел на вёсла, будто считал удары, чтобы не думать о другом. Северяне гребли. Река несла их к Парижу, к новым берегам, к новым грабежам, к новым смертям.

Хальвард некоторое время молчал. Потом сказал, не глядя на неё:

— Ты много споришь.

Адель поправила край повязки Асгейра.

— Ты уже говорил.

— Монахини не спорят.

— Откуда ты знаешь монахинь?

— Видел.

— Перед тем как грабить их монастыри?

Он повернул голову. Взгляд стал тяжёлым. Она ответила таким же.

— Ты можешь говорить без ножа, — сказал он после паузы.

— А ты можешь слушать без топора. Мы оба сегодня удивляемся.

На этот раз он понял не всё. Но понял достаточно, чтобы его губы едва заметно дрогнули. Не улыбка. Слишком рано для улыбок, да и не было у них почвы для лёгкости. Скорее, тень непрошеного интереса, который сам Хальвард, возможно, счёл бы слабостью, если бы заметил со стороны.

— Почему ты не боишься? — спросил он.

Адель закончила с повязкой и села прямо.

— Я боюсь.

— Нет.

— Да. Ты просто привык, что страх выглядит как покорность.

Хальвард долго обдумывал фразу. Вёсла опускались и поднимались. Вода шла вдоль борта. На соседнем корабле кто-то запел, но песню не подхватили, и голос быстро стих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.